

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова
Все оттенки черного
Серия «Детектив-триллер», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128844
Все оттенки черного: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-00605-2*

Аннотация

Целая серия загадочных и кровавых убийств, обставленных со зловещей торжественностью средневекового ритуала, потрясает безмятежную дачную идиллию. Очаровательных дачниц Нину и Катю не оставляет подозрение, что убийцу нужно искать среди их респектабельных и интеллигентных дачных соседей. Но кто он – известный режиссер, тренер-атлет или дама-экстрасенс? Улик так много, что в них запутались и опытные следователи. Но что же предпринять двум подругам? Сбежать в Москву? Ведь следующими жертвами могут стать они сами. Но журналистский азарт Кати Петровской не дает ей покоя, и они с Ниной решают вести собственное расследование...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	56
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	94
Глава 8	123
Глава 9	146
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Татьяна Степанова

Все оттенки черного

Пролог

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Ночь уходила, хотя темнота по-прежнему скрывала и лес, и холмы, и церковь над рекой. В поселке на том берегу не светилося ни одно окно.

Он споткнулся о корень, выступающий из влажной, размытой летним дождем земли, точно лапа лешего. Едва не упал. И как только она умудряется отыскивать дорогу в этих зарослях? Хотя... Холм есть холм – карабкайся вверх по склону, и не ошибешься.

Месяц появился в разрыве облаков, точно тусклую лампочку включили. И в его мертвенно-серебристом свете на минуту неожиданно стали различимы для глаз каждая ветка, каждый лист молодых деревьев и кустов. До вершины оставалось совсем близко. Мужчина, кряхтя, упорно лез вверх. А на холме его уже ждали. Женщина. Она молча наблюдала за ним. Потом запрокинула голову и уставилась в небо – месяц снова заволакивала мутная мгла.

– Еще дождь, как назло, нагрянет, тучищи-то... Так мы,

пожалуй, и не увидим... тогда насмарку все путешествие... Не увидим ведь... – Мужчина наконец одолел подъем и теперь еле переводил дух.

– Дождя не будет. – Женщина все смотрела на тучи. – Подует ветер, небо очистится. И нам не стоит сейчас говорить. Лучше помолчать.

Но ее спутнику молчать было трудно. Он был грузный, уже в летах. Подъем на холм дался ему нелегко. Дыхание его было прерывистым и хриплым. Однако если бы кто-нибудь мог приглядеться к нему повнимательней, то заметил бы, что это не только обычная возрастная одышка. Мужчина был явно сам не свой от волнения. Выдавали его руки. Он то закладывал их в карманы широких бежевых брюк, испачканных на коленях землей, то вытаскивал рывком, сплетал пальцы, начиная хрустеть суставами. То с треском обламывал ветку с ближайшего куста и обрывал свежие клейкие листочки. Несколько раз он заботливо щупал себе ладонью сердце, словно проверял – тут ли оно еще, на месте ли? Волнение, им владевшее, требовало выхода не только в суетливых жестах, но и в словах.

– Тучи, ливень, погода, чтоб ее... небо как ватой заткнули. – Он вздохнул. – И все это наше верхолазание коту под хвост. Кардинальное невезение. Ой, мама моя... «А если упущу я этот случай, то счастье вновь меня не посетит?»

– Цитаты здесь неуместны, я прошу помолчать. Недолго. Совсем немного. – Женщина положила руку на плечо свое-

го спутника, точно оперлась на него, и ощутила то, что он сейчас пытался скрыть сам от себя: под внешним лихорадочным беспокойством, тщетно маскируемым раздраженно-капризной болтовней, в самых глубинах его сердца жили ясное ощущение нереальности происходящего и страх, вот-вот уже готовый перерасти в истерическую панику. Женщина почувствовала это и сочла нужным несколько ободрить и успокоить своего спутника. Ее рука легонько коснулась его затылка, липкого от пота. Ему показалось – словно наложили прохладную примочку. Пальцы сжали его шею, помассировали, погладили, снова сжали.

– Все будет хорошо. Уверена, – шепнула женщина. – Не тревожьтесь ни о чем. Мы пришли не напрасно. Сегодня хорошая ночь.

С соседних холмов потянуло прохладным ветерком. И мгла на темном небе сдвинулась с мертвой точки, закружилась. Месяц на мгновение пропал и снова явил себя, блеснул, а затем начал тускнеть, угасать... Ветер окреп. Он дул с юга, сбивая клочья туч в послушное стадо.

Низко над горизонтом вошла звезда. И если бы они в тот миг обменялись впечатлениями, то оказалось бы, что каждый видел эту звезду по-своему. Мужчине она показалась голубоватой точкой, мерцающей и пульсирующей на сером предутреннем небе, как тысячи, миллионы, миллиарды других звезд-светлячков. В ней вроде бы не было ничего необычного. Женщина, обладавшая более острым зрени-

ем, видела во мгле крохотный туманный серпик. Подобно обломку лезвия, он притягивал к себе ее взор, увеличивался в размерах, становясь при этом все тоньше, все острее...

– Утренняя Звезда. – Женщина сказала это таким тоном, словно сияющая звездочка была ее собственностью и она дарила ее своему спутнику.

Тот поспешно отвел глаза. Уперся взглядом в землю у себя под ногами, словно желал в тот миг видеть лишь носки своих щегольских кроссовок, испачканных глиной.

– Царь Содома. Повелитель Мух. – Хотя голос его был по-прежнему хриплым, он явно пытался иронизировать. Но получалось это плохо, фальшиво. Женщина знала: этому существу сейчас не до иронии!

– Можем начинать, – просто сказала она. – Вы не передумали?

– Нет.

Она чувствовала: ощущение нелепости, нереальности происходящего и страх снова парализовали его. А таким он ей не был нужен и не был нужен и... Она подняла умоляющий взгляд к звезде. ПОЖАЛУЙСТА, Я ПРОШУ. Страх – удел жертвы. Он не должен мешать жрецу в его жертвоприношении. Страх – дитя ночи, дух мрака. Страх – это ненависть и боль. А когда жрец приносит дар свой, ненавидя и страшась, его жертва становится не подарком, а оскорблением. Только любовь делает жертву угодной... Ведь ОН тоже ищет любви.

– Не надо бояться, – шепнула она. – Боль – это радость. В нашем с вами случае – это огромная телесная радость. Дайте руку.

Он протянул ей руку. Левую, от сердца. Они репетировали этот ритуал несколько раз подряд там, в ее доме. Он должен был повиноваться беспрекословно. И никакой одежды из синтетики – только натуральные хлопок, шерсть. Никаких металлических предметов. Перед походом на холм он выложил зажигалку, ключи, снял золотые часы, снял перстень и обручальное кольцо...

– Не нужно, не нужно так бояться, – в который уж раз шепнула она. – Закройте глаза. Лучше вам на это не смотреть.

Он крепко зажмурился: темнота, огненные шары, вращающиеся с бешеной скоростью, – огненное колесо. И НИКАКОЙ ЗВЕЗДЫ. Никакого Повелителя Мух...

Огненный шар неожиданно лопнул, отозвавшись острой болью в мозгу и левой руке. Боль жалила, точно змея. Он открыл глаза. Длинный глубокий порез перечеркнул его ладонь. Кровь текла обильно, наполняя горсть – ладонь была сложена ковшиком. Человек тупо смотрел на свою покалеченную руку. Черная кровь в ладони – как крохотное озерцо. Женщина стремительно нагнулась, подняла что-то с травы. Он увидел под своей ладонью плоскую миску из зеленого стекла. Она принесла ее с собой из дома.

Помня наставления, подчиняясь ритуалу, он повернул ла-

доть ребром. Кровь заструилась, затем закапала в миску. Ни одна капля не должна была упасть мимо: она предупредила об этом особо. Почему? Что за идиотские предосторожности?!

Он созерцал сочащуюся кровью рану, чувствуя, как к горлу волной подкатывают тошнота и отвращение. Вместе с ними в нем зрел протест. Что за балаган? Что я, взрослый, здоровый, культурный, умудренный жизнью человек, позволяю с собой делать? В какого шута меня тут превращают? И ради чего?! Страх, который терзал его и который он всеми силами пытался прогнать, исчез. Но легче от этого не стало. В глазах темнело от тошноты, отвращения и гнева. И в тот миг, когда чувства эти достигли в нем высшей точки, женщина быстро зажала его левую руку своей левой рукой и правой поднесла к его губам чашку с его же собственной кровью.

– Пей, – приказ был точно удар хлыстом.

Он коснулся губами холодного влажного стекла, вдохнул запах, поперхнулся, закашлялся и...

Женщина смотрела, как ее спутник согнулся в неудержимом приступе рвоты. Все было испорчено. Все. Еще одно наглядное доказательство того, что жертва, сопровождаемая отвращением, гадливостью, страхом, сомнениями, негодна Ему.

Она смотрела на своего спутника, который теперь откашливался, прочищая горло. Несчастный кретин, жалкий театральный паяц, шут гороховый... Сейчас ему плохо, физиче-

ски плохо, но в глубине души он дьявольски рад, что все это окончилось вот так. А пройдет пять минут, и он опомнится, будет жалеть и казнить себя за слабость. И просить, умолять сделать что-то еще, помочь...

Она выплеснула кровь на траву, вырвала клочок осоки, протерла чашку. Достала из сумки, повешенной на куст, чистый бинт и пластырь. Пока она бинтовала своему спутнику руку, он старался не встречаться с ней взглядом. Она поняла и это: стыд и неловкость за свою слабость сменились сознанием того, что цель, ради которой они провели эту и многие другие ночи без сна, не достигнута. Она сама заглянула ему в глаза: ведь ты же не верил мне, так отчего же теперь жалеешь? И чего боишься? Как же это уживается в твоём сердце – неверие и одновременно страх перед тем, во что ты, как сам себя уверяешь, НЕ ВЕРИШЬ и неверишь никогда? – Какой же я дурак. – Он откашлялся. – Я не знаю, как это вышло. Я не хотел...

– Вы просто не были готовы.

Они смотрели на горизонт: утро вступало в свои права. Небо из темно-серого становилось зеленовато-прозрачным, как стоячая вода старого пруда. Звезды гасли, месяц бледнел. И та звезда тоже неудержимо угасала в свете нового дня.

– Теперь уже все испорчено... окончательно? – спросил он неуверенно. – И точно, мы – сущие мухи... Это ж надо так... Сущие мухи, а он повелитель мух...

Женщина не ответила. Эта его ирония снова фальшива и

неуместна. Ничего, скоро от этой натужной иронии не останется и следа. Она сняла сумку с ветки, положила в нее чашу, еще какие-то предметы, поднятые с травы. Молча зашагала вниз по склону. Ее спутник плелся за ней, как побитый пес.

– Эту... гм... неудачу... ошибку мою глупейшую нельзя исправить? – спросил он после нескольких минут молчания.

Она снова не сочла нужным отвечать. Они спустились уже к самому подножию холма. За березовой рощей слышался шум – там лес пересекало шоссе, по которому проносились редкие по случаю раннего утра машины. Направо через кусты уходило несколько хорошо утоптаных тропинок. Их проторили местные дачники к речке Сойке.

Они все так же молча шли по тропе, миновали ельник и вышли на узкую бетонку, перегороженную шлагбаумом. И тут человек не выдержал. Он догнал женщину, схватил ее за руку, развернул к себе.

– Да не молчите же вы, скажите мне что-нибудь, ну, ругайте меня... Я понимаю, я все испортил и... Но я верю, я глубоко верю, я хочу верить! Я не могу все это вот так бросить, вы же знаете! – Губы его дрожали от волнения, речь была сбивчивой и малопонятной, но женщина знала, что он скажет дальше. Они все говорили ей одно и то же. Они все возвращались к ней. Не могли не вернуться, потому что жаждали ПОВТОРЕНИЯ.

Она скользнула по нему взглядом, словно оценивая. Он стал здесь, внизу, на этой дачной дороге у полосатого шлаг-

баума тоже иным, чем там, на холме. Пожалуй, сейчас она смогла бы объяснить ему, что требовалось от него в тот единственный, великий, неповторимый миг. Ведь это так просто! Он уже умный. Он способен понять то, как должно совершать подобный обряд. Но...

– Ну, есть способ? – Он смотрел на нее жалкими, умоляющими, потерянными глазами. – Есть?

Она вздохнула: нет, его сожаление и стыд – плохая почва для подобного разговора. Да и нужен ли вообще ему такой разговор?

– Есть. – Она взяла его за руку, уводя прочь. – Способ есть.

– Такой же, как и этот? Мы повторим и...

– Нет. Это другой способ.

– А мне он поможет? Впрочем, о чем я говорю, какие тут гарантии, я понимаю, но...

Она уводила его все дальше и дальше от холма. Внешне со стороны они выглядели как зрелая супружеская пара: грузный, с проседью в волосах мужчина в летних брюках и ветровке, испачканной на груди чем-то бурым, и женщина в спортивном костюме дорогой фирмы с клеенчатой модной итальянской сумкой через плечо. Они смахивали также и на немолодых то ли туристов, то ли дачников, отправившихся в это солнечное летнее утро за город. Именно так и воспринимали их те, кто попался им на дороге в этот ранний час. Но ни с кем из встречных, ни с одним живым существом муж-

чина не мог поделиться (даже если бы очень, очень захотел) странной тоскливой тревогой, которая против воли сдавливала его сердце все сильнее и сильнее, по мере того как они удалялись от холма.

Глава 1

ДЕРЕВО ИУДЫ

То, что выезд на это место происшествия будет чреват многими самыми неожиданными последствиями и не принесет ничего хорошего, было ясно почти с самого начала. С некоторых пор Екатерина Сергеевна, а проще сказать, Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, внимательно прислушивалась к своему внутреннему голосу.

На этот раз внутренний голос предостерегал недвусмысленно: нечего тебе делать в Старо-Павловске на этом происшествии. Не с такими впечатлениями следует уходить в очередной и такой долгожданный отпуск. Но не ехать туда Катя уже не могла: «Жигули» пресс-центра стремглав мчались (сильно сказано для этой развалюшки) по шоссе. Катя затаилась на заднем сиденье тихо как мышь. Прислушивалась к разговору коллег. Они говорили о том, что произошло. Надо же, думала Катя, это несчастье стряслось как раз накануне ее отпуска. И что самое главное – это уже не первый случай, который там происходит! Именно в том месте, где она и Нина собираются провести...

– Самоубийц обычно хоронят либо на самом краю кладбища, либо за оградой. Ни креста на могиле не полагается,

ни памятника – один холмик. Когда Полунина хоронили, мы ездили похороны заснять. Мать его, старуха, все уговаривала местного священника, чтобы отпел всех, ну, всю их семью. А он жену Полунина и сына только отпевал, а самого-то... Даже гроб его в церковь запретил вносить. Во как!

В Кате же названная фамилия многое вызвала в памяти. Анатолий Полунин был прокурором Старо-Павловского района. И его трагическая гибель, и страшная кончина его семьи в мае этого года всколыхнули не только тихий Старо-Павловск, но и все Подмосковье. О трагедии писали газеты, а слухи ползли самые мрачные и противоречивые. И вот, не прошло и трех месяцев – сегодня как раз второе августа, – и в этом районе новое ЧП. И обстоятельства его кое в чем совпадают с...

В дежурной части главка Кате сообщили, что в район вместе с опергруппой срочно выехал Никита Колосов – начальник отдела по раскрытию убийств. И это известие Катю заинтриговало: в сводке ведь ясно сказано – «самоубийство». Зачем ехать на подобное происшествие Колосову? Или при осмотре места уже возникли какие-то сомнения? Что-то там нечисто и Никита лично отправился выяснять? Они подозревают инсценировку? И на самом деле гибель этого несчастного Михаила Ачкасова не самоубийство, а хладнокровно осуществленное убийство, замаскированное под... Но тут Катя оборвала себя: «Хватит, вечно ты торопишься. Сейчас приедем и все узнаем на месте».

В этот теплый и пасмурный августовский день городок Старо-Павловск встретил их сонной, ленивой тишиной. Катю всегда поражало то, как отличается в таких подмосковных городках ритм жизни от столичного. Кажется, недалеко от Москвы, а жизнь иная. Поля, заросшие травой, деревеньки, леса и перелески, и вдруг – этакое «новорусское» чудо, замок из красного кирпича под медной крышей, более похожий не на жилой дом, а на роскошный лабаз. А затем – снова поля, коробочки хрущевки какого-нибудь рабочего поселка, издыхающий по причине кризиса заводик, и снова – поля, лес. А за ним – городок: главная улица, где все еще целы старинные купеческие дома (деревянный верх, каменный низ), церковь, коммерческие ларьки вокруг площади тесным хороводом, гипсовый памятник «вождю», сиротливо торчащий на пятачке перед зданием бывшего райкома, стекляшка бывшей же городской пивнушки, где теперь красуется горделивая вывеска: «Казино Фламинго». И – безлюдье на улицах, затененных липами. Только белье на балконах пятиэтажек парусом вздувается на ветру, хлопает да из какого-нибудь открытого окна на третьем этаже доносится песня Киркорова «Зайка моя».

Но Катя отлично понимала: сонная тишина и безлюдье – отнюдь не следствие лени горожан. Просто... В Старо-Павловске, по улицам которого она сейчас проезжала, из четырех местных предприятий работает лишь одно. И безработное население в основном мотается на заработки в Москву,

а летом живет за счет огородов.

Водитель лихо свернул в кривенький проулок. Справа пошло какое-то чахлое редколесье. Таким Катя и увидела городской парк «Водник» – цель их путешествия. Они притормозили у парковой карусели, полуразвалившейся и ржавой. Здесь уже стояли два милицейских «газика» и «Скорая». Однако врачам на этот раз спасти кого-то было уже поздно. Местную карету «Скорой помощи» задействовали просто как труповозку.

То, что сотрудники пресс-центра здесь явно лишние, Катя поняла по мрачному виду главы местной администрации, прибывшего на место по звонку прокурора. Происшествие в парке было неприятнейшим ЧП для «тихого» района. Это был сор, который явно не хотелось бы выносить из избы.

Общее напряжение витало в воздухе. Катя отметила: на таком месте происшествия все чувствуют себя словно не в своей тарелке – и сотрудники милиции, и прокуратуры, и эксперты, которые ко многому по долгу службы привыкают, и даже сам...

– Что за порода, не знаешь?

Катя вздрогнула – Колосов. У начальника отдела убийств, она давно заметила, вредная манера подходить неслышно и брякать что-то прямо в ухо! Правда, в тот миг она вряд ли услышала бы чьи-то шаги. Все ее внимание было приковано к тому, что колыхалось на ветру над самой ее головой в кроне самого обычного дерева, росшего на вытоптанной, захлам-

ленной мусором полянке на задворках старой карусели. Колыхалась же на ветру толстая бельевая веревка, одним концом обвязанная вокруг ветки.

– Деревя породы не знаешь какая?

Колосов легонько отодвинул Катю в сторону, она мешала эксперту фотографировать эту самую веревку и сук. Свободный конец, болтавшийся в воздухе, был аккуратно обрезан. Катя знала: при осмотре места подобного происшествия, когда на скончавшемся налицо признаки механической асфиксии через повешение, веревку всегда обрезают, никогда не трогая и не развязывая узлов удушающей петли. Этого требуют правила осмотра: чтобы сделать верный вывод о том, что же произошло с умершим, является ли он злосчастным самоубийцей или жертвой чьего-то преступления, патологоанатому для исследования потребны и бездыханное тело, и веревка, и сама петля.

Труп уже сняли с дерева. И теперь именно порода этого дерева отчего-то так интересовала начальника отдела убийств.

– Это осина, Катя. – Колосов потрогал шершавый ствол. – Снова осина, надо же... Как это ты сказала мне в тот раз? Дерево Иуды?

Странно, что он вспомнил. Никита вообще на удивление много помнил из того, что она ему говорила. Катя замечала это не раз. Вроде и не слушает тебя совсем, а сам... Про дерево Иуды она сказала ему в мае, когда в главке обсуждали

гибель старо-павловского прокурора. На то место происшествия Катя не ездила. Колосов тогда сказал: «Он повесился на осине... надо же... Старая, гнилая, а рядом березы росли... Все ведь лучше бы, а?!»

Катя не могла ответить, чем лучше оканчивать жизненный путь в петле на белой березе, а не на горькой осине? Лишь сухо заметила, что если это и шутка – то дурная, а на осине еще Иуда повесился. Мол, есть притча такая евангельская. Видимо, несчастный самоубийца находился в таком состоянии, что ему было просто не до выбора «лучшего» дерева. Ее, помнится, тогда гораздо больше занимали ужасные подробности гибели семьи прокурора, а не смерть его самого. Решение уйти из жизни самому казалось хоть и не вполне понятным, но хотя бы закономерным после того, что он сотворил.

Но теперь замечание Колосова насчет дерева показалось ей странным: что он хочет этим сказать? Не то ли, что эта деталь наводит на размышления: в одном и том же городе в течение трех месяцев кончают с жизнью две весьма заметные, по провинциальным меркам, фигуры: прокурор и директор местного кирпичного завода. И в обоих случаях вешаются, избирая для этой цели осину – дерево Иуды. А ведь у прокурора Полунина имелся табельный пистолет. Пули, выпущенные из него, были извлечены патологоанатомом из тел его убитой жены и сына...

Катя все смотрела на болтающийся среди листвы обрезок

веревки.

– Семья Ачкасова... Никита, с ними все в порядке? Они живы? – спросила она с запинкой.

– Угу. – Колосов прислонился спиной к соседнему дереву. – С ними ничего не случилось. Жена, сын... им еще утром сообщили. Я потом, возможно, к ним съезжу.

Катя хотела спросить, зачем ты туда сейчас поедешь? Но спросила другое:

– У Ачкасова было какое-то оружие? Дома или, может...

– В местном отделе зарегистрированными за ним числятся охотничье ружье и карабин иностранного производства. Кстати, подарок главы администрации к юбилею три года назад. Пятьдесят ему стукнуло. Оружие дома, уже проверили, в целости и сохранности. А тут у нас, – Колосов окинул взглядом дерево, – осина. На тело что ж не идешь взглянуть? Не любопытно, что ли?

– Никита, ведь это точно самоубийство? – Катя заглянула ему в лицо. Озадаченным начальник отдела убийств не выглядел. Скорее мрачным и усталым. Господи, он всегда прикидывается мрачным. Маска у него такая для солидности, дабы молодость скрыть. «Каменный лик, скупая мужская улыбка». Странные существа мужчины, ей-богу. Все строят из себя кого-то.

И все же подумать тут есть над чем: начальник отдела убийств – фигура архизанятая, и вот лично и срочно явился на это место происшествия, вроде бы по всем признакам

первоначальным – бесспорное самоубийство. Может быть, он знал этого директора Ачкасова? Ведь и с прокурором Полуниным он определенно должен был встречаться...

Сама Катя о прокуроре Полунине знала лишь то, что он был переведен в Подмосковье из соседней области и не проработал в Старо-Павловске и двух лет. А про этого Ачкасова слухи и вообще были...

– Почему ты не отвечаешь, когда я к тебе обращаюсь? – спросила она. – Ты что, не желаешь со мной говорить?

Колосов и ухом не повел. Все его внимание было приковано теперь к почти акробатическому трюку: по указанию следователя прокуратуры один из оперативников с грехом пополам вскарабкался на злосчастную осину и теперь пилой (откуда она тут взялась?) отпиливал сук с веревкой. Видимо, следователь решил сохранить для экспертизы не только петлю, но и главный вещдок целиком. Смотреть на этот трюк было печально: опер чертыхался, пила то и дело застревала в древесине. Веревка болталась, точно дразня кого-то. Наконец отпиленный сук рухнул на траву, пребольно стукнув дежурного следователя, пытавшегося уловить драгоценный вещдок на лету, по рукам. Катя не стала дожидаться, когда следом за суком с осины шлепнется и опер.

Наверное, ей просто не следовало сюда приезжать. Ведь ясней ясного, что самоубийство (если эти данные подтвердятся) Михаила Ачкасова – отнюдь не тема для очередного субботнего очерка на страницах «Вестника Подмосковья».

И прежде Катя всегда обходила подобные темы стороной. Добровольный уход человека из жизни всегда окутан зловещей, недоброй и чрезвычайно личной аурой. И подробности всегда табу: почему, отчего, по какой причине человек наложил на себя руки – пустил пулю в лоб, повесился, выпрыгнул из окна.

В последние годы Катя наблюдала почти что эпидемию таких происшествий. В сводках еженедельно сообщалось о самоубийствах. Кончали с собой и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Из посмертных записок, оставленных этими несчастными, можно было бы составить целую книгу, каждая страница которой, точно гноем, сочилась черной меланхолией, тоской, безысходностью и усталостью от всего на свете. Причины многих суицидов вроде бы лежали на поверхности и были понятны: нищета, неизлечимая болезнь, безработица, одинокая голодная старость, ревность, несчастная любовь или же еще банальнее – передозировка наркотиков. Но в каждом таком на первый взгляд объяснимом случае, по глубокому убеждению Кати, все равно крылась какая-то недобрая тайна, которой боязно было коснуться, как чего-то нечистого и заразного.

Прежде на места самоубийств Катя никогда не выезжала. Но вот в мае в Старо-Павловске произошло нечто такое, что заставило и ее, и многих других взглянуть на текущие события несколько иными глазами. Десятого мая, утром, жильцы дома по улице Речной – это был кирпичный дом улучшенной

планировки, так называемое «дворянское гнездо», где получили квартиры отнюдь не рядовые жители Старо-Павловска, – неожиданно почувствовали на лестничной площадке сильный запах газа. Он шел из квартиры на третьем этаже, которую занимал районный прокурор Полунин вместе с женой и двенадцатилетним сыном. Соседи начали звонить в дверь Полуниных, но ответа не получили. Вызвали газовую службу, сотрудников жэка, местного участкового, попытались открыть железную дверь. Но она оказалась заперта снаружи на все четыре замка. Вызвали службу спасения, взломали дверь и...

Газовые конфорки плиты были открыты, а в спальне находились трупы жены и сына прокурора: у женщины два огнестрельных ранения в грудь, у мальчика – в голову. А спустя час за гаражами на пустыре был обнаружен и висящий в петле труп самого Полунина. В кармане его куртки лежали ключи от квартиры и табельный пистолет, в котором еще оставались патроны.

Баллистическая экспертиза установила, что женщина и мальчик были убиты именно из этого оружия. При осмотре тела Полунина все факты указывали на самоубийство. Вывод опергруппы, участвовавшей в расследовании, был категоричен: Полунин по неустановленной причине застрелил жену и сына, затем покинул квартиру, предварительно открыв на кухне газ и заперев дверь, и покончил с собой, повесившись на...

Колосов, как помнила Катя, тогда сразу же обратил особое внимание на породу дерева. Да, это была старая полусгнившая осина. Росла она в укромном месте за гаражами. Это, наверное, и привлекло самоубийцу. Странно, но по какой-то причине стреляться Полунин не стал, предпочел иной, более мучительный способ ухода из жизни.

Об этой трагедии ходило много слухов и толков. Чего только не приплетали в качестве причины! В одном лишь сходились: Полунин был в Старо-Павловске человек новый и чужой. Работал в должности недолго, с домашними, по скупым показаниям его матери (она жила отдельно, в деревне под Владимиром) и сослуживцев, вроде бы ладил. И тем не менее...

И вот теперь, когда ажиотаж вокруг этого дела улегся и городок успокоился, грянуло новое ЧП: повесился Михаил Ачкасов – человек в городе весьма заметный.

На это происшествие Катя решила поехать, потому что... Нет, это не было простым профессиональным любопытством. Два таких происшествия на тихий городок как-то уж чересчур много. Что же это – простое совпадение или же?..

Михаил Ачкасов был директором и фактическим владельцем единственного действующего в городе предприятия – завод изготавливал кирпич и прочие стройматериалы. Считался Ачкасов в городе очень обеспеченным, влиятельным человеком. Имел две квартиры в Москве и просторный дом-коттедж в пригородной зоне отдыха. За последние годы сме-

нил пять иномарок. Был женат вторым браком, жена на восемнадцать лет моложе. Имел от нее сына семи лет. Перешагнув порог пятидесятилетнего юбилея и сколотив достаточный капитал (несмотря на кризис, дела его шли неплохо), Ачкасов, казалось, получил от жизни все, что желал: каждый год с семьей ездил за границу, красиво отдыхал, делал дорогие покупки и...

И вот в одно теплое и пасмурное летнее утро его нашли висящим в петле в городском парке за ржавой детской каруселью, давно уже растерявшей своих лошадок. И, как и при первом старо-павловском самоубийстве, при нем не было найдено посмертной записки: ни намека на причину, ничего.

Трупа Катя не увидела. Его увезли в морг. Туда же направился целый десант из местной прокуратуры и милиции.

Причина смерти Ачкасова, подтвержденная экспертизой, интересовала всех. А вот Колосов что-то медлил. Необычно, на Катин взгляд, было и то, что вместе с начальником в Старо-Павловск выехал и почти весь личный состав отдела по раскрытию убийств. И главковские сыщики зря, видимо, время не теряли. После осмотра места почти все они получили от Колосова какие-то задания. Так бывало, когда впереди маячило раскрытие «по горячим следам». Но ведь это явное самоубийство! Ачкасов повесился. Чего же здесь раскрывать?

– Ну, ничего больше не хочешь мне сказать?

Катя пожалала плечами. Ей-богу, Никита какой-то сегодня чудной. То разговаривать не хотел, а теперь вдруг сам... Что он хотел от нее услышать под этой дурацкой осиною с отпиленным суком? И вообще, это ее работа задавать вопросы!

– Ты подозреваешь, что Ачкасова убили? – прямо спросила она. – Да? Его убили, а это инсценировка? Ну что ты так уставился на это дерево, Никита?

– Да так просто. – Колосов хмыкнул. – Значит, в отпуск собираешься, Екатерина Сергеевна? С завтрашнего дня?

Он снова проигнорировал вопрос. Можно подумать, у него язык отвалится сказать ей: «Катя, у меня серьезные сомнения в том, что этот деловой магнат уездного масштаба решил добровольно уйти...»

– Ладно, счастливо отдохнуть тебе. До встречи. – Колосов кивнул ей, засунул руки в карманы и неторопливо направился к дежурному «газику», поджидавшему его у карусели.

На обратном пути в Москву Катя решила сразу же после отпуска прояснить ситуацию со смертью Ачкасова. Быть может, к тому времени объявятся так называемые «вновь открывшиеся обстоятельства»? Но отложить дело в столь долгий ящик не удалось. Едва она переступила порог кабинета, ей позвонили. Это была редакторша «Криминальной хроники недели». Что-то в программе «не состыковывалось», позарез нужна была свежая информация – «забить дыру в эфире». Узнав по каким-то своим каналам о происшествии в Старо-Павловске, она поинтересовалась: делались ли ка-

кие-либо съемки на месте происшествия? Узнав, что делались, возликовала: выпуск спасен! И вот, в тот свой последний рабочий день Кате пришлось задержаться допоздна: срочно готовить материал для передачи, используя снятые на месте кадры. В ее репортаже, который готовился к субботнему выпуску, происшествие в Старо-Павловске было представлено как трагедия самоубийства. Однако она просто не могла удержаться от того, чтобы не щегольнуть собственной псевдоосведомленностью, намекнув все же на некие «весьма загадочные причины трагедии, к прояснению которых уже приступили следственные органы».

Глава 2

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Никита Колосов не любил оставлять вопросы без ответов. И скрывать от Кати ничего не собирался. Просто нечего было скрывать, потому что...

Он приехал на место, где было обнаружено тело Ачкасова, одним из первых вместе с опергруппой Старо-Павловского отдела. Труп висел в петле на осине. И с самого начала по всем признакам это было не что иное, как бесспорное самоубийство. Они осмотрели там все. Сантиметр за сантиметром траву и землю под деревом, тропинку, протоптанную от карусели, окружающие поляну заросли. Искали возможные следы, улики. Искали ответ на самый главный вопрос, от которого зависело очень многое: сколько человек находилось в два часа ночи (а именно в это время, по словам судмедэксперта, наступила смерть предпринимателя) возле этой злосчастной карусели, возле осины – один лишь самоубийца или с ним был кто-то еще? Искали, не оставлена ли где поблизости машина – не пешком же, в конце концов, бежал сюда Ачкасов через весь город!

Но улик не было. А следы под деревом указывали на присутствие лишь одного человека. Для того чтобы вскарабкаться повыше и завязать веревку, Ачкасову потребовалась под-

ставка – он нашел возле карусели старое пожарное ведро. Даже это чертово ведро аккуратнейшим образом запаковали в целлофан и отправили в лабораторию на исследование. Хотя Колосов уверен был на все сто – искать что-то «этакое», какие-либо настораживающие и подозрительные улики на этой ржавой дряни – пустая трата времени.

На место происшествия неожиданно прибыл представитель ФСБ. Посмотрел, послушал, потолковал с коллегами из милиции и прокуратуры, а затем куда-то исчез так же внезапно, как и появился. (Катя его уже не застала.) Появление «человека в сером» на месте, где ничего вроде бы не вызывало сомнений, было мимолетным, однако весьма многозначительным. Члены оперативной группы, местные сотрудники милиции отлично понимали: такого ажиотажа вокруг этого события не было бы, не случись в Старо-Павловске странного и жуткого ЧП с прокурором Полуниным и его семьей.

Колосов хорошо помнил тот выезд на квартиру прокурора. Тесная прихожая, коридор, двери в спальню, залитая кровью кровать – и постельное белье пестренькое, в какой-то несерьезный голубенький цветочек. На кровати – женщина в окровавленной ночной рубашке. Рядом окровавленная подушка. Видимо, разбуженная среди ночи, жена Полунина попыталась встать, защититься подушкой. Но две пули поразили ее: одна в грудь, другая в горло. Вторая жертва – мальчик, сын Полунина, лежал на пороге спальни ничком. Поднятый с постели выстрелами, он вбежал в комнату родителей и по-

лучил пулю в лицо.

Тогда, в мае, после долгих бесед с теми, кто знал Полуниных, и бесконечных экспертиз так и не удалось прийти к ясному ответу на вопрос, что же произошло в этой семье. Мать Полунина (ей перевалило за восемьдесят) сразу после похорон разбил инсульт, и она слегла. Друзей у них почти не было. Родственники – дальние, троюродные братья и сестры – не общались с ними добрый десяток лет. Сокурсники по институту потеряли с Полуниным связь сразу же после окончания. Сослуживцы по прежнему месту работы тоже ничего конкретного сказать не могли: характеризовали Полунина как сдержанного, холодного человека, большого педанта, весьма ревностно относившегося к своим служебным обязанностям, сделавшего за несколько лет неплохую карьеру от рядового следователя до прокурора района. Полунин и, по словам старо-павловских коллег, внешне был замкнут и строг. В свой внутренний мир и в мир своей семьи (сын учился в школе, жена после переезда в Старо-Павловск не работала) он никого не пускал.

Все эти два года Полунины жили вроде бы и на виду, и вместе с тем словно в вакууме. Впрочем, за такой же стеной отчуждения живет большинство людей.

А вот Ачкасов, судя по собранной о нем первичной информации, был человеком несколько иного склада. В Старо-Павловске его знали лучше, потому что здесь он родился и вырос. Он тоже вроде бы был на виду, и тем не менее

близко его новую семью (первый его брак закончился разводом) мало кто знал. Колосов не поехал к вдове Ачкасова. Он чувствовал, что не готов к разговору с ней. Да и что сейчас у нее спрашивать? Что у вас произошло? Почему ваш муж, у которого было почти все, чего иные мужчины добиваются годами и так и не могут добиться, вдруг ни с того ни с сего наплевал на свою жизнь и взял веревку?

В этих происшествиях было что-то странное. И это почувствовал не один Колосов. Поэтому все в городке, от следователя до участкового, с таким рвением искали хоть малейшие намеки на то, что это не просто цепь трагических совпадений. В умах многих местных стражей порядка уже зрели десятки предположений, из которых главная была следующая: эти два беспричинных самоубийства не последних лиц в городе не иначе как инсценировка. Эти люди не умерли своей смертью, их убили, замаскировав все под...

Увы, такую красивую и многообещающую в оперативном плане версию не подтверждала ни одна улика. Судмедэкспертиза трупа Полунина дала категорический вывод: самоубийство. И этот же самый вывод, пока предварительный, но уже фактически бесспорный, был высказан патологоанатомом и на месте гибели Ачкасова. Тем не менее результатов вскрытия тела с великим нетерпением ожидали и Колосов, и все участники осмотра места происшествия.

На вскрытии в морге Колосов присутствовал от и до. Он и прокурорский были единственными, кого патологоанатом

допустил непосредственно в анатомический зал. Остальные наблюдали из «аквариума» – отгороженной стеклянной стеной части зала, куда не доносился запах формалина и где работала машинистка-лаборантка, которой эксперт по громкоговорящей связи диктовал свои выводы.

Ачкасов был тучный, рыхлый мужчина. Весил он сто два килограмма и по типу своему, как выразился эксперт, был «типичнейший полнокровный сангвиник». Асфиксия изуродовала черты его лица почти до неузнаваемости. Ветровка под тяжестью его грузного тела настолько плотно врезалась в кожу шеи, что первичный осмотр странгуляционной борозды был сильно затруднен.

Колосов внимательно исследовал одежду, снятую с Ачкасова: хорошие, не новые, правда, но малоношенные брюки, белье, белая сорочка с коротким рукавом – чистый хлопок и фирма солидная. Пиджак отсутствовал – это и неудивительно в такой жаркий день. Галстук пестрый, дорогой, носки в тон, отличные по качеству ботинки. Складывалось впечатление, что покойный одевался в свой последний день так, как и всегда привык одеваться – практично, удобно и вместе с тем с долей известного щегольства. Колосов осмотрел подошвы ботинок, отколупнул комочек присохшей глины. Черт возьми, как Ачкасов попал в парк? Откуда пришел? Из дома? С работы? Или же он побывал где-то еще? Кто-то его подвозил, если он ехал? Карманы брюк осмотрели еще там, на месте происшествия. Вещей было мало: бумажник, кредитка,

пейджер – его проверили, он оказался отключенным. В кармане рубашки оказались водительские права. Не было лишь самого основного – предсмертной записки.

Вскрытие продолжалось долго. Наступил уже вечер, когда они закончили. Патологоанатом по ходу комментировал свои выводы.

– Какая-либо патология, заболевание внутренних органов отсутствуют. Покойный был физически здоров. Причина смерти – асфиксия. Бесспорные признаки, взгляните сами. . . – обращаясь к следователю, он то и дело тыкал пальцем в перчатке в препарированное тело. – Странгуляционная борозда хорошо заметна, с резкими краями. Петля одинарная, скользящая. Расположение узла вполне типичное, местонахождение – сзади. Почти полное отсутствие отпечатка в затылочной части.

– Странгуляционная борозда имеет прижизненное происхождение? – спросил следователь.

Это и был вопрос, ответ на который они так все ждали, ради которого, собственно, и пришли в анатомический зал. Правда, его можно было задать проще: повесился ли Ачкасов сам? Или его, уже мертвого, задушенного, повесили на осине, инсценировав самоубийство?

– Прижизненное. Нет ни малейшего в том сомнения. – Патологоанатом внимательно посмотрел на следователя и Колосова. Нет, явно не такого ответа они ожидали.

– Ну хорошо, ваше заключение о причинах смерти у нас

есть, но... – Колосов кашлянул. – Вот для вас самого, как для опытного специалиста, нет ли во всем этом чего-то такого, что вас бы встревожило, заинтересовало?

– Вы сомневаетесь в моем выводе? Это самоубийство чистой воды. – Эксперт смерил Колосова взглядом.

– Мы не сомневаемся. Но мы думали...

– У вас есть какие-то основания полагать, что этого человека убили, инсценировав повешение? Выбросьте это из головы. Он сам покончил с собой.

– Так же, как и Полунин? – спросил следователь прокуратуры.

Три месяца назад они стояли в этом же самом зале над телом первого самоубийцы. Работала комплексная бригада патологоанатомов из Москвы и области. Местный судебный медик тоже присутствовал.

– Да. – Эксперт поправил сползшие очки.

Когда они уже возвращались в отдел милиции, следователь в машине констатировал голый факт:

– Оснований для возбуждения дела нет. Впервые в жизни такое со мной: гора с плеч, а что-то не радует. Отчего-то мы с вами, коллега, – он глянул на Колосова – тот прикуривал сигарету, – были уверены в глубине души, что это убийство. Хотелось, что ли, в такое верить, а?

– Просто мы в совпадения верить разучились, вот что. Особенно в такие, какие у нас тут теперь пошли, – вместо молчавшего начальника отдела убийств ответил один из

местных сыщиков.

– Совпадения совпадениями, а ревизию и проверку по линии налоговой инспекции мы на заводе Ачкасова непременно проведем. – Следователь пожал плечами. – Может, что там за ним всплывет?

Колосов помнил, что после гибели старо-павловского прокурора десант из областной и Генеральной прокуратуры устроил комплексную проверку и в ведомстве, подчиненном Полунину. Там не всплыло ничего, кроме мелких нарушений бюрократического плана. Полунин был действительно большим педантом и ревностным законником, да еще вроде бы и бесребреником, не бравшим взяток.

– А в общем и целом – мы сделали все, что в наших силах. И так с очевидными преступлениями разбираться не успеваем, где уж тут самоубийство... – не унимался следователь прокуратуры. Однако в голосе его по-прежнему сквозило жестокое разочарование.

Колосов покосился на него, как будто впервые за этот долгий день, что они провели вместе, разглядел собеседника: пацан еще зеленый этот прокурорский. И похож на сосульку, что вот-вот начнет таять на солнце.

– Чертовщина какая-то. – Сыщик, сидящий вместе с Колосовым на заднем сиденье машины, поморщился. – И чего этому Ачкасову не хватало? Такой боров здоровый. Помню, как юбилей его тут у нас справляли – город три дня гудел. Из Москвы к нему на «мерсах» все приезжали. Даже депу-

тата какого-то принесло. Деньги небось на ихнее движение давал. Жена в самом соку баба, пацан, дом – полная чаша – барахла разного... Может, он спьяну, дуриком?

Колосов не ответил: они все были свидетелями, что при вскрытии никаких признаков алкогольного или наркотического опьянения у погибшего обнаружено не было.

– И что за люди такие, которые с собой кончают? – не унимался сыщик. Он тоже был молодой – Колосову говорили местные коллеги, что он женился только что, на днях. – Ну бомжи, доходяги – те понятно с чего. А эти наши... – Он снова поморщился. – Чертовщина это все какая-то. Ну, может, закончится все на этом. А то заладили: суицид, суицид, глаза б мои на это паскудство не глядели!

Раздраженный сыщик-молодожен ошибался. То, что впоследствии многие называли не иначе как чертовщиной, в тихом подмосковном Старо-Павловском районе еще только набирало обороты.

Глава 3

МАЙ-ГОРА

Утром первого отпускного дня просыпаешься как в волшебном царстве. Катя, открыв глаза, минуты три блаженно созерцала потолок над головой. А колыхание штор от ветра, проскользнувшего в комнату через открытый балкон, вызвало у нее самую глупейшую счастливую улыбку: господи, красота-то! Солнышко на голубеньком небе, август на дворе, лето, золотые деньки. И две недели полнейшей свободы. Как Вицин говорил: «Жить хорошо!» Катя зарылась лицом в подушку, как в теплую норку, – эх, а хорошо жить еще лучше! Жить...

Тут кто-то весьма бесцеремонно дернул ее за ногу. Вот так всегда. Квадратная фигура заслонила и окно, и солнышко. Вадим Андреевич Кравченко – супруг ты мой разлюбезный! Катя приоткрыла один глаз – еще небрит, рассеян и хмур. Весь в досаде и расстроенных чувствах. Они расстраиваются у «драгоценного В. А.» всякий раз, когда за днем выходным приходит день рабочий. И нужно вставать спозаранку и идти, как он выражается, «служить». А чем, собственно, драгоценный В. А. недоволен? Работой? Так кругом сейчас орда тех, кто вообще работы не имеет: мужички за любое мало-мальски денежное место чуть ли не зубами держатся.

А он еще... Лодырь, капризный лодырь...

– Катька, марш, одна нога здесь – другая там! Мне три яйца, котлету – остались вчерашние – нет? Сок достань из холодильника, пусть отойдет, а то у меня гланды прихватило и... Быстренько, быстренько! Шевелись давай, завтрак варгань, а то мы опаздываем по-дикому!

Ишь ты, раскомандовался. Катя блаженно жмурилась, не торопясь вставать. И кто это, интересно, тебе завтра будет «варганить» завтрак? купишь себе, дорогуша, пельменей и будешь их лопать и на завтрак, и на ужин, потому что к кулинарии и домоводству ты не приучен. И тут она вспомнила – он же сказал: опаздываем! Сколько же времени? Часы показывали половину восьмого. Всего-то! Ах да, они же еще должны заехать за Нинкой на Белорусскую, а потом Кравченко отвезет их в эту Май-Гору – он вчера говорил, что отпросился у шефа только до одиннадцати. Он отвезет их на дачу и вернется в Москву, а они с Ниной останутся и все эти две долгожданные недели отпуска сами себе будут царицы.

– Катька, да ты что, еще не встала?! Шевелись, и так ведь проспали. – Кравченко «шевелился» как слон в посудной лавке. – Я кому говорю?

Катя начала улиткой сползать с кровати. Проспали – ишь ты. Сам виноват. Дело все в том, что слова и желания мужчин ночью и утром – это две огромные разницы. И, как всегда, она послушно идет у драгоценного В. А. на поводу. И утром, и ночью, и...

Катя опять поймала себя на том, что блаженно-глупо улыбается. Итак, Кравченко на эти две недели остается кругленьким сироткой. Интересно, будет ли он изменять? Впрочем, дешевками он брезгует, а с женским персоналом компании его работодателя Чугунова все уже, кажется, было-пербыло и былъем поросло.

На пороге ванной она обернулась. Их взгляды встретились. Кравченко чуть улыбнулся. И... и две долгожданные недели отпуска в этой чудесной Май-Горе среди дачного парадиза представились Кате вдруг принудительным сроком отбытия наказания. Ведь Кравченко не едет с ними – она словно впервые поняла, что это для нее значит. У него в августе самая запарка на работе: его работодатель Чугунов в условиях экономического кризиса пытается наладить пошатнувшиеся дела.

Не далее как завтра Чугунову предстоит бизнес-командировка в Тюмень. И начальник службы безопасности Вадим Кравченко должен будет сопровождать его в этой поездке вместе с многочисленным «штатом» обслуги.

Идея провести отпуск без Вадьки, да еще на старой-престарой даче, принадлежащей родителям подруги, ей-богу, никогда бы не пришла Кате в голову, если бы... Тому, увы, было несколько причин. Кризис подкосил их финансы – раз. Сразу стало не до вояжа на Кипр или в Испанию, о которых они с Вадькой так мечтали. Во-вторых, на работе по графику отпуск Кате полагался именно в начале августа. И отказаться-

ся от него значило бы потерять лето, заменив его на унылый домашний отпуск в ноябре. А в-третьих...

Третья причина ее поездки в Май-Гору и была самой главной. А крылась она в Нине Картвели и в той напряженной ситуации, которая разом вдруг сложилась вокруг нее, ее разгильдяя и гуляки мужа и ни в чем не повинного будущего ребенка. Нину Катя знала с семи лет – они ходили в одну музыкальную школу имени Могучей кучки в Стремянном переулке. Их семьи дружили с незапамятных времен. У Нины были отличные музыкальные способности – она играла на виолончели. У нее был и голос – совсем недурное сопрано. Но она не поступила в консерваторию, как мечтала, а продолжила семейную традицию. А в семье Картвели все были врачами.

Дед Нины был выдающимся советским микробиологом, бабушка гинекологом, отец кардиохирургом, мать урологом, а красавица-мачеха окулистом. Увы, но все члены этой разветвленной медицинской династии были крайне несчастливы в личной жизни. Дед Нины Тариэл Картвели женился и разводился на протяжении всей своей долгой жизни. В 90-м за гробом этого колоритнейшего и старейшего членкора Академии медицинских наук шли на Новодевичьем кладбище, помимо безутешной вдовы, и три его бывших, тоже безутешных супруги. Отец и мать Нины тоже развелись, когда ей не исполнилось и четырнадцати. Оба имели по новой семье, а Нина по своему желанию жила с отцом.

Отец Нины пять последних лет работал по контракту в Национальном кардиологическом центре в Абу-Даби. Могла уехать работать на Ближний Восток и сама Нина, но ее в то время удержал дома бурно и скоропалительно начавшийся роман с ее будущим мужем Борисом Бергом.

То, что Нина и Борька в конце концов поженились, всегда было для Кати величайшей загадкой природы. Более разных по складу характера людей трудно было себе представить! Борьку они тоже знали сто лет. Он тоже в незапамятные времена посещал музыкальную школу имени Могучей кучки. На Нину, как, впрочем, и на Катю, он тогда обращал ноль внимания. Он бредил футболом и Марадоной, а родители упрямо заставляли его «пилить» на скрипке, пламенно веря, что из Бори выйдет второй Сергей Стадлер.

После окончания музыкальной школы их пути на время разошлись. Встретились они лишь много лет спустя на вечеринке у старинного приятеля Кати и Кравченко – Сереги Мещерского. К тому времени черноокая и серьезная Нина после окончания мединститута – она выбрала себе вечно востребованную профессию зубного врача – уже работала в медицинском кооперативе на Волхонке. А Борька – Бэн, как его звали близкие друзья, – с грехом пополам окончив «Щуку», подвизался в качестве помрежа в одном полунищем театральном подвальчике на Ордынке.

Нине он, по глубокому убеждению Кати, в тот вечер сразу вскружил голову. Правда, перед Бэном мало кто мог устоять.

Он был Дракон в сочетании со Львом, а это для мужчины – гремучая смесь обаяния, интеллекта, шарма, волокитства и легкомыслия. Их бурный роман закончился браком. И жили они поначалу очень даже неплохо, потому что, по выражению Кравченко, «не напрягали друг друга». Добытчиком в доме была Нина – в своем зубном кооперативе она зарабатывала все же лучше, чем ее коллеги в районной поликлинике. А Бэн был по уши в своих театральных делах, которые и прежде никак не клеились, а с наступлением «черного» 17 августа перестали клеиться окончательно.

Бедняжку Нину угораздило в это непростое время еще и забеременеть. Они с Борькой все откладывали детей «на потом», мечтая, «пока молоды, немножко пожить для себя». Но вот все получилось как-то само собой и... По словам Нины, Бэн был «все равно безумно рад», но... как раз в то самое время как на грех вылезло на свет одно из его многочисленных «профессиональных» увлечений.

Это «увлечение», девятнадцати с хвостиком лет от роду, как-то утром приковывляло на тонких ножках-спичках, утяжеленных наимоднейшей «платформой», на квартиру Нины якобы «как женщина к женщине». Увлечение было уже на седьмом месяце, а бедная, ошарашенная этим явлением Нина лишь на пятом. Увлечение жаждало прав на отца своего будущего ребенка. Нина, оправившись от первого потрясения, уступать сопернице не собиралась. И Бэн такого изобилия нервных беременных женщин просто не выдержал.

Был грандиозный скандал. Кто-то (кто именно, Катя из сбивчивых объяснений подруги не очень поняла) сильно хлопнул дверью, а в результате... У Нины наступал шестой месяц, а Бэн сгоряча уехал «разобраться в своих чувствах и подумать», а заодно и подзаработать деньжонок. Они со своей театральной группой собирались «охватить гастролем Волгу-матушку» – махнуть из Нижнего аж до самой Астрахани. Кате, однако, казалось наиболее вероятным то, что вся эта берговская авангардстудия отправилась просто-напросто шабашить на строительстве коттеджей «новых русских».

После отъезда (точнее, бегства) мужа Нина совсем пала духом. Приехав проведать подругу, Катя нашла ее в тяжелой депрессии. Нину, казалось, совершенно перестал радовать белый свет, и это Катю чрезвычайно встревожило. О чем бы она ни говорила, как ни старалась отвлечь подругу от грустных мыслей, Нина ничего не воспринимала.

Чуть-чуть она оживилась, лишь когда Катя, исчерпав все свои развлекательные способности, ударилась в воспоминания о детстве. Много раз она бывала у Нины на даче. Там был чудесный сад, речка под высокой горой, где по вечерам надсаживались криком лягушки, залитая солнцем терраса, гамак и великое множество развеселых грузинских родственников деда Тариэла, которые наезжали к Картвели из Тбилиси, Бакуриани, Боржоми и Батуми с баулами, набитыми инжиром, орехами, гранатами, бутылками с чачей, красным домашним вином и корзинами, полными сладчайшего вино-

града. Все это было так давно, что казалось сном. Это было в те времена и в той стране, в которой, для того чтобы перевалить через Большой Кавказский хребет и очутиться в Грузии – благословенной стране мандаринов и винограда, стране, откуда вышли все Нинины предки, – достаточно просто было сесть в поезд на Курском вокзале, не оформляя никаких виз, разрешений и прочей бюрократии. Нина печально улыбнулась, слушая приятельницу. «Как хорошо, как же хорошо мы жили, – сказала она. – Пусть еще девчонки были несмышленыши, пусть ветер один в голове свистел, но зато как много всего было впереди. Все еще можно было изменить, исправить...»

И тут сердобольную Катю кто-то дернул за язык. Желая утешить подругу, она с жаром заговорила о том, что непоправимых ситуаций в жизни не бывает и золотые деньки еще можно вернуть – да какие наши годы, Ниночка? Катя имела в виду, что Нина должна вытереть слезы, взять себя в руки и послать неверного муженька искать семейное счастье в другом месте, а самой попытаться наладить свою личную жизнь с кем-то другим. Но Нина, все еще в расстроенных чувствах, восприняла все сказанное буквально.

– Ты и правда так считаешь? – спросила она. – Золотые денечки... Сделать себе подарок, вернуться в детство... Катя, а я ведь в последнее время даже во сне это вижу: я на нашей старой даче просыпаюсь, и ветер шумит в соснах. А на террасе тот бабушкин диван с подушками, и качели в са-

ду скрипят – кто-то качается на них сильно-сильно... Кать, слушай, правда, а давай... давай поедем туда, а? Вместе, как прежде?

Вот так и случилось, что две отпускные недели Кате выпало провести в дачном поселке Май-Гора на берегу речки Сойки, что течет, течет себе меж лугов и поросших быльем и полынью полей бывшего совхоза-миллионера «Заря коммунизма», а потом, делая прихотливый изгиб русла, делит главный город этого подмосковного района... Старо-Павловск на Заречье и Верхнюю улицу.

Конечно, Катя могла отказаться от такой вот перспективы. Но даже черствый Кравченко благодушно проворчал, что «капризы беременных не грех и уважить». Кстати сказать, Кате было доподлинно известно, что перед своим «бегством на Волгу» Бэн имел с Вадькой «мужской разговор», во время которого клялся, что «Нину он все равно до смерти любит и жить без нее не может, но ему нужно время». «Она тоже хороша, – ворчал Кравченко, выгораживая приятеля. – Ну что случилось, боже ты мой? С чего было подымать такой вселенский хай? Тоже мне трагедия! Дело-то житейское».

Катя гневно возмущалась упрямством Бэна и легкомыслием Кравченко. А подругу ей было искренне жаль. И поэтому она согласилась: в конце концов, дача в Май-Горе не самый худший вариант в период глобального экономического кризиса.

Сумку с вещами Катя собрала еще накануне. А Кравчен-

ко, «взяв на себя снабжение по интендантской части», собрал им еще и три сумки с продуктами. «На первое время хватит вам, не лопните там смотрите, – напутствовал он Катю. – Сельпо там какое-нибудь в этой дырке дачной есть наверняка». Катя вздохнула: да уж, делать-то все на этой даче придется наверняка ей, как Кравченко скажет, яко Золушке. Разве Нине в ее положении можно суетиться по хозяйству?

Но она, как всегда, ошиблась в своих предположениях. Они забрали Нину, Кравченко загрузил дачным скарбом весь багажник.

– Не вздумайте там только есть и спать, – напутствовал он их всю дорогу. – Спортом надо активно заниматься. Ты, Нинуша, как врач, поймешь меня лучше этой разгильдяйки. Речка-то какая-никакая там у вас есть? Грязная – нет?

– В Старо-Павловском районе все заводы стоят, насколько я знаю, – ответила Нина. – Выходит, вода в речке должна быть чистая.

Катя улыбнулась. У Нины – темные как ночь восточные глаза, брови и шапка густых волнистых волос. Ей бы очень пошла коса, как грузинской красавице Этери, а она отправилась в парикмахерскую и сделала стильную мальчишескую прическу. За месяцы беременности сама Нина пополнела, а лицо ее, вот странность, похудело. Стало печальным, замкнутым и очень красивым.

– Я ездила в Старо-Павловск совсем недавно. Служебные дела...

Катя колебалась: стоит ли рассказывать беременной подруге страсти про удавленников-самоубийц? Но как это почти всегда бывает у женщин, сказав «а», она уже просто не могла остановиться до тех пор, пока не отбарабанит весь алфавит. На сороковом километре шоссе и Нина, и Кравченко уже были в курсе всех известных Кате подробностей старо-павловской трагедии.

– Нин, как врач объясни, отчего с людьми такое происходит? – выпалила Катя напоследок. – А как же наш инстинкт самосохранения, как же подсознательный страх смерти, желание во что бы то ни стало ее избежать?

– Моя узкая специализация – кариес, – отшутилась Нина. – Где уж мне забираться в дебри парапсихологии и психоанализа.

– Да пил он небось, – буркнул Кравченко, дерзко вырывая на встречную полосу в попытке обогнать раскорячившийся посреди дороги асфальтоукладчик. – Пьяница небось был горчайший, прокурор-то. А на второго – он деляга, говоришь? Так нажимать кто-нибудь либо из Москвы, либо еще откуда-нибудь начал, деньги требовать, вымогать. И ничего трагического в этих совпадениях нет. Просто слабый духом мужик сейчас пошел...

Катя поморщилась, ее покорило, что «драгоценный В. А.» в который раз явил всему свету свою феноменальную толстокожесть. Но через секунду и она уже забыла про несчастных самоубийц. Они свернули с магистрального шос-

се на недавно отремонтированную дорогу, уходящую направо в тенистый хвойный бор. Утреннее солнце почти не проникло в его глубь. На шоссе ложились тени. А потом...

– Смотрите, как красиво! Отсюда, с горы, все как на ладони! – воскликнула Нина.

Лес кончился. Дорога внезапно резко пошла вниз по склону крутого холма. Гряда таких же зеленых холмов, поросших густым кустарником и молодым подлеском, тянулась почти до самого горизонта. Внизу, в ложине, протекала маленькой серебристой змейкой речка. На ее берегу лепился дачный поселок – железные, шиферные и совсем новые еврочерепичные крыши домов тонули в зелени старых садов. На берегу реки, правда, в значительном удалении от поселка, стояла и заново побеленная, увенчанная новыми зелеными крестами церковь. Ремонтники пока не добрались до ее колокольни, полуразрушенной временем.

А над всем этим чисто подмосковным пейзажем господствовал, точно плывя в синем августовском небе, высокий лесистый холм, похожий одновременно и на гигантский песочный кулич, и на горб верблюда, и на курган.

– Май-гора. – Нина указала на холм. – Когда-то по ее склонам пропасть малины водилось – целые заросли были. Интересно, сейчас как? А вон там, видите, церковь под горой. Ну, внешне, по крайней мере, за все эти годы тут у нас ничего не изменилось

Дача Картвели, построенная дедом-микробиологом в

незапамятном 1957 году, разительно отличалась от образа этого дома, запечатленного в смутных воспоминаниях Катиного детства. Дом ей представлялся огромным и гулким, как пещера. А была это всего лишь небольшая одноэтажная бревенчатая дачка с двумя стеклянными террасами и скрипучей винтовой лестницей на чердак, заваленный разным древним бархлам.

Кравченко помог выгрузить вещи. Он торопился вернуться в Москву, поэтому его хватило лишь на то, чтобы помочь открыть в доме заколоченные ставни, проверить и включить АГВ – «сырость вековую в доме подсушить», да наскоро подкрутить водопроводные трубы к кранам в ванной и в саду. В доме было полно пыли. После отъезда отца Нина не навещала еще сюда ни разу. Сад зарос так, что в нем можно было заблудиться. «Во участки раньше Совмин выделял! – хмыкнул Кравченко. – Живи себе – отдыхай, наука. Не то что нынешние».

Катя пошла проводить его до калитки. Ее постепенно охватывало странное умиротворение: тихо, солнечно, покойно. Кузнечики в траве стрекочут. Вот сейчас Вадька уедет, и порвется последняя нить, связывающая ее с городом. Ну и хорошо, ну и пусть. Будем жить тут с Ниной, болтать, загорать, купаться, качаться в гамаке. Малину собирать на этой горе с чудесным названием Май...

Одно лишь тревожило ее: на даче они оставались без телефона. И Кравченко уезжал далеко, так что... Интересно,

можно ли из поселка позвонить в Москву или в райцентр? А то вдруг с Ниной в ее положении что-то случится? Потребуются врач и... Но кузнечики стрекотали, навевая сладкую дрему, и в воздухе так приторно пахло медом от чудом затесавшихся в буйной траве, одичавших настурций и львиного зева, что она тут же сама себя успокоила: ничего за эти дни не случится. Кравченко вернется из командировки и через четырнадцать дней заберет их отсюда. И потом Нина – сама медик и лучше, чем кто-либо, знает, что ей можно и что нельзя.

Она оглядела участок: а потом ведь не на необитаемом острове они тут остаются. Кругом же соседи. Вон голоса чьи-то слышны на противоположной, через улицу, даче, смех женский. Она прислушалась: какой чудной смех – громкий, залиvistый, словно тот, кто смеется, никак не может остановиться, а у него уж и колики в боку...

Они с Вадькой попрощались. Кравченко вернулся за руль и, отсалютовав напоследок сигналом «Спартак – чемпион», скрылся за поворотом дачной улицы. Катя вернулась в дом и застала подругу в делах. Нина, уже успев переодеться в безразмерные оранжевые шорты и такую же безразмерную черную майку, выволокла из чулана под лестницей допотопный пылесос, который вместе с прочими домашними агрегатами отечественного производства «эпохи застоя» доживал свой век на даче. Она уже трудолюбиво пылесосила в самой большой комнате – «зале», где в углу красовалась голландская

печка из красного кирпича, а из мебели можно было выбирать что кому нравится: источенный жучком бабушкин резной буфет, набитый посудой, четыре кресла – кожаное «сталинское», продавленное соломенное и два стиля модерн шестидесятых годов – как два чайных блюдца на трех ножках.

Имелись тут и колченогие столики неведомого дизайна, и гигантских размеров ламповый цветной телевизор «Рубин», и фарфоровые зверюшки на полочках, украшавшие некогда покрытые лаком, а теперь потемневшие от времени бревенчатые стены.

Катя попыталась отнять у подруги хрипящий от старости пылесос. Но Нина заявила, что физические нагрузки ей только полезны. Тогда Катя вооружилась тряпкой, решив протереть от пыли мебель, окна и подоконники. Мало-помалу она обошла весь дом.

Нина разобрала белье в комод. На свет вытаскивались шторы, диванные покрывала, постельное белье. И постепенно старый дом начал приобретать жилой вид. Прошло бог знает сколько времени с тех пор, как Катя сегодня проснулась. Позади были и сборы, и дорога, и уборка, но оказалось, что времени не так уж и много. Часы показывали всего половину двенадцатого.

– Надо чаю попить и перекусить. – Нина деловито шарילה в холодильнике «ЗИЛ», обозревая привезенные запасы. – Тут у церкви магазин есть, работать должен. Молоко, возможно, привозят. Хотя что молоко, я бы пива сейчас с удо-

вольствием выпила, эх!

Катя пиво терпеть не могла.

– А я люблю. – Нина мечтательно вздохнула. – Но теперь... Сколько же нам Вадька сока натащил, а цена у него теперь просто зверская... Какой Вадичка внимательный у тебя... А он не говорил – ему Борька не звонил, нет? Впрочем, это я уже спрашивала, только забыла... Что у нас с тобой из головы вылетело совершенно, так это Вадьке сказать, пока он тут был, – газовую колонку надо было проверить. А вдруг там что-то неисправно?

При этой совершенно «хозяйственной» фразе глаза Нины вдруг блеснули слезами. Катя подумала: она ни единым словом не помянула Бэна в присутствии Кравченко. Она ни о чем не спрашивала. А ей ведь так хотелось узнать, не звонил ли блудный муж своему закадычному другу, не справлялся ли (ну хоть из элементарной вежливости), как дела у его подруги жизни, которая ко всему еще и... Эх, мужчины! Какие вы все-таки эгоисты. Катю охватила досада. Не плачь, Нина, не надо. Черт бы их всех, дураков и бабников, побрал!

– Вадя разбирается в газовых колонках, как мы с тобой в квантовой механике, – только и сказала она. – Я сейчас сама все проверю. Не беспокойся, если там утечка газа, я пойму.

Вооружившись мыльницей и спичками, Катя исследовала газовую колонку в ванной. Открыла вентиль, намылила его хорошенько, следя за пузырями. Все вроде было в порядке, но для полной уверенности Катя решила проверить газовую

подводку и снаружи дома.

Нина с террасы крикнула, что в сарае должен быть запасной газовый баллон, а также электрическая плитка. Если что – все пригодится. Нашла и вручила Кате ключ от замка.

Сарай располагался в самом дальнем углу участка, вплотную к соседней территории. Забор тут был почти полностью скрыт стеной непролазного кустарника. Боярышник, шиповник, черноплодная рябина, калина сплелись так, что сами стали колючей непреодолимой преградой. Катя долго сражалась с ржавым висячим замком сарая, наконец победила его, а затем пытливо, подобно первооткрывателю новых земель, исследовала сарай, обнаружив там, кроме баллона и плитки, еще массу полезных вещей, как-то: две низенькие зеленые скамейки, садовый столик, гамак, лопаты, грабли, допотопную машинку для стрижки газона и набор столярных инструментов в деревянном ящике.

Запирая сарай, она вдруг услышала в кустах позади себя какой-то шорох. Спустя секунду он повторился – затрещали ветки. Катя заглянула за угол сарая – никого. Что же это такое? Собака, что ли, соседская?

За кустами она с трудом разглядела забор, а за ним – чужой участок, столь же заросший, как и Нинин, напоминающий даже не запущенный сад, а кусок девственного леса – одни березы, елки.

Шум послышался снова, левее сарая. Катя вздрогнула. А вдруг за соседским забором и вправду притаилась коварная

и злая собака? Вот сейчас как залает басом...

– Пошел, пошел отсюда, фу, нельзя! – Она постаралась сказать это как можно решительнее. Скандалисту-псу, если таковой у них имеется по соседству, надо сразу показать, кто здесь хозяин.

Катя наклонилась к кустам, всматриваясь в заросли, дышащие августовским жаром, и... едва не села от неожиданности. Снизу из кустов, почти из самой травы на нее смотрело чье-то лицо. Бесцветные какие-то (то ли серые, то ли бледно-голубые) глаза, словно вылинявшие от зноя, изучали ее пристально и недобро.

Глаза казались огромными на этом худеньком бескровном лице, которое могло принадлежать кому угодно – старику, мумии: бледная-бледная кожа, коротко стриженные белесые волосы, бескровные губы. Кате стало не по себе, когда она вдруг поняла, что это бесполое и словно безвозрастное лицо принадлежит ребенку!

Присев на корточки, он сидел в траве с той стороны полуразвалившегося забора. Ему могло быть и десять, и двенадцать лет – а могло быть и меньше, и больше. На мальчишке было надето что-то темное – вроде бы треники и черная футболка.

– Ты кто? Наш сосед? – Катя попыталась улыбнуться маленькому пришельцу. «Наверное, он просто альбинос, – подумалось ей. – Но какой-то все же странный мальчишка...» – Сосед, да? Ну, здравствуй. Давай знакомиться.

Увидев ее протянутую руку, ребенок попятился на четвереньках в кусты. В глазах его появилось напряженное выражение, словно он рассчитывал в уме расстояние, которое отделяло его от этой руки, перепачканной ржавчиной. Потом он все так же, на карачках, молниеносно исчез в чаще боярышника.

Катя прислушалась, но нигде не хрустнула больше ни одна ветка. Соседний участок, когда, приподнявшись на цыпочках, она заглянула за зеленую стену, был безлюден и тих.

Глава 4

КРАСНЫЙ ЛАК

Она красила ногти как ни в чем не бывало. И алый с перламутровым отблеском лак так и переливался на солнце.

А он стоял перед ней, как школьник перед классной доской с уравнением, которое для него – труднейший ребус.

Процесс окраски элегантно наманикюренных ногтей, казалось, захватил ее целиком и полностью. И это было в день похорон ее мужа. Гражданскую панихиду в офисе завода по производству стройматериалов назначили на два часа дня.

Никита Колосов часто потом вспоминал и свой вопрос, заданный этой женщине, и ее ответ. И всегда чувствовал при этих воспоминаниях горечь: привкус полыни был у слов, прозвучавших тогда в доме, в который им со следователем прокуратуры Карауловым в тот день приходиться было не нужно.

Собственно, никакого продолжения расследования дела о самоубийстве Михаила Ачкасова так и не получилось. Судмедэксперт поставил в этом происшествии жирную точку. Приехавший из Москвы компаньон Ачкасова по бизнесу, отрекомендовавшийся также и его ближайшим другом, забрал тело из морга и договорился насчет похорон. Он действовал, по его словам, «исполняя волю безутешной вдовы». А на во-

просы следователя он отвечать наотрез отказался.

Бедняжка-вдова – Елена Львовна Ачкасова – стала за эти дни в Старо-Павловске самой популярной личностью. Многие «первые лица города» в эти дни навещали ее, высказывали ей соболезнования, а заодно и... Вопрос «ПОЧЕМУ ОН ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ?» по-прежнему волновал всех. И языки мололи без устали.

С точки зрения процессуальных формальностей, «опрос» вдовы следователю прокуратуры был не нужен: дело не возбуждалось, все закончилось на уровне прокурорской проверки, и происшествие автоматически перешло в разряд несчастных случаев, от которых, увы, никто не застрахован. Однако на том, что разговор с вдовой все же должен состояться, причем незамедлительно, с редкой настойчивостью настаивал именно следователь.

Вечером, по возвращении из морга, когда Колосов уже собрался возвращаться в главк, Караулов вдруг отвел его в сторону, цепко ухватил за рукав куртки, и...

– Что же это такое получается, Никита Михайлович? Так вот мы все это и оставим, да?

Колосов прикинул возраст Караулова – годика двадцать три, только-только пацан с институтской скамьи. Его однокашники сейчас в адвокатуру, в нотариат, в фирмы по продаже недвижимости косяками прут денежку зашибать. И этот, видишь ли, «яко дреманное око» тут в районе. На бюджетных хлебах – едва-едва только чтоб ноги не протянуть. Идеи-

ный, что ли, по молодости? Да нет, скорее просто мальчик без блата, без сильной руки. А может, и просто – банальнейший неудачник.

– Вам, – секунду он мучительно вспоминал имя-отчество «сосульки», как продолжал именовать про себя прокурорского, – э... Юрий... Юрий Алексеевич, вам что, собственно, от меня... Что ваш непосредственный начальник – прокурор по этому поводу сказал?

– Чтоб я не усложнял, раз экспертиза дала такое заключение... Чтобы текущими делами занимался, в общем... Переключился...

– Ну, и что же мешает переключиться?

– Но я... Никита Михайлович, ведь только час назад, там, в морге, вы были согласны со мной, точнее, абсолютно не согласны, что это дело всего лишь... – Караулов окончательно запутался. И покраснел с досады.

– Короче, Юрий Алексеевич, что ты от меня-то хочешь?

– Мы обязаны поговорить с вдовой Ачкасова! – «Сосулька» еще пуще зарделся то ли от колосовского полушутливого, полупренебрежительного тона, то ли от собственного упрямства.

– Смысл?

– Вам ведь тоже это интересно, Никита Михалыч!

– Интересно? – Колосов хмыкнул. – Вы считаете, что мне... интересно? Что?

– Что с некоторых пор такое творится в нашем городе.

Произошло, произойдет – ну, не знаю! Я еще там, в парке у карусели, как на вас взглянул, сразу это понял.

Колосов усмехнулся. Прокурорский начинал его забавлять. Какой настырный мальчик! Прежде Колосов испытывал сильное недоверие и выказывал большую осторожность в общении с представителями этой конторы. На это имелись кой-какие причины. Но этот вчерашний студиозус...

– Ты за Полунина до сих пор переживаешь? – помолчав, спросил Колосов.

– Он был... Да вы знаете, какой он был человек!

– Он тебя на работу брал?

– Да, точнее... Я тут практику проходил в прокуратуре, он куратором моим был, а потом... Не мог он так вот ребенка своего, жену ни с того ни с сего расстрелять. Это же дикость просто. И потом себя тоже... И этот тоже, Ачкасов... Это же не случайность, не может все это быть случайностью! Не бывает такого в жизни!

Всего несколько часов назад, там, на поляне за каруселью, Колосов был железно уверен, что непременно встретится с вдовой самоубийцы. А теперь ему было как-то чудно: этот мальчишка с таким жаром уговаривает его сделать то, что он хотел и сам. Откуда такая апатия? Отчего наши чувства и намерения подвержены таким необъяснимым и мгновенным метаморфозам?

Метаморфоза чувств. Именно об этом он думал, наблюдая, как ОНА, сидя в гостиной своего дома, как ни в чем не

бывало красит алым лаком ногти. Она даже не надела траура. На похороны своего мужа-самоубийцы Елена Львовна Ачкасова собиралась идти в элегантном сером костюме-букле. А может, она и совсем туда не собиралась?

Вопрос, заданный «безутешной вдове» следователем Карауловым, показался Колосову чуть ли не по-детски наивным:

– Елена Львовна, что все-таки произошло с вашим мужем? Почему он...

Колосов вспомнил впоследствии всю эту «картинку». Их приход в дом самоубийцы. Просторные, залитые солнцем комнаты новенького еврокоттеджа казались полупустыми не от недостатка мебели, а от тишины, в них царящей. Открыла входную дверь на их звонок с парадного какая-то молчаливая изможденная женщина в черном – видимо, домработница Ачкасовых. В холле-прихожей было полно траурных венков с лентами. Огромные букеты роз, гладиолусов, хризантем, лилий, гвоздик и георгинов лежали на ящике для обуви и на креслах.

Домработница проводила их к вдове. Елена Львовна, узнав, кто они такие, и терпеливо выслушав слова соболезнования, кивнула холодно и вежливо, а затем вернулась к прерванному занятию, за которым они ее и застали.

– Личным делом моего мужа было поступить так, как он поступил. О причинах же, толкнувших его на этот шаг, я ничего не знаю.

Можно было разворачиваться и уходить. Колосов прочел это в ее темных глазах: убирайтесь вон. Но Караулов по молодости лет, а может, и просто с досады, не пожелал так вот быстро сдаться и отступить.

– И вы так спокойно об этом говорите! – воскликнул он. – Ведь он – отец вашего ребенка! А вы можете заниматься маникюром, когда...

Елена Львовна Ачкасова как раз в эту минуту сделала особенно удачный штрих кисточкой на ногте большого пальца и поднесла руку к лицу, любуясь результатом. Ее ответ Колосов запомнил надолго.

– А что, было бы лучше, если бы я билась головой об стенку и причитала? – спросила она спокойно. – Это было бы фальшиво, молодой человек, простите, я не расслышала вашего имени-отчества. Это было бы пошло и недостойно наших с Михаилом отношений. Если бы он мог видеть меня сейчас, он бы...

В тот миг Колосов ожидал услышать от этой женщины, похожей на сфинкса, все, что угодно: «понял бы меня», «не осудил бы» и тому подобное. Но Ачкасова совершенно буднично закончила:

– Он бы не возражал.

Секунду они все молчали. А потом Елена Львовна поднялась с кресла.

– Извините, – сказала она, – сейчас придет машина. Хочется поскорее покончить со всем этим.

Колосов понял: под словечком «это» она подразумевала похороны мужа, панихиду на заводе.

У ворот коттеджа, когда они покидали его, уже стояла сияющая «Вольво». За рулем был тот самый «друг и компаньон», который взял на себя все хлопоты по похоронам Ачкасова «от лица его безутешной вдовы». На взгляд начальника отдела убийств, это был самый обычный, ничем не примечательный мужик. Такой же, как и Ачкасов, рыхлый толстяк, типичный полнокровный сангвиник, как выразился судмедэксперт, пожилой, да ко всему еще и лысый, как коленка. Шикарная машина да отличный черный костюм казались его единственными достоинствами.

Владелец «Вольво» терпеливо ждал за рулем, даже и не пытаясь пройти в дом и повидать вдову. И в этом вежливо-стоическом равнодушии ощущалось нечто такое, что... Какими же были изначальные отношения между Ачкасовым, его женой и его другом-компаньоном, подумал тогда Колосов, если теперь они обернулись вот таким внешне полнейшим бесчувствием?

Глава 5

СОСЕДИ

Приятельницу Катя нашла у калитки. Нина разговаривала с молодым мужчиной, одетым по-дачному просто – в спортивный костюм. «Молния» его «олимпийки» была расстегнута, открывая загорелую грудь, с плеча свисало синее махровое полотенце. Глаза же незнакомца... Катя отметила, как Нина и этот явно собравшийся на речку парень смотрели друг на друга: она радостно и смущенно, а он со снисходительным интересом и... Взгляд его скользнул по располневшей Нининой фигуре. Складывалось впечатление, что он рассматривает женщину на седьмом месяце беременности как редкий экземпляр насекомого, прежде чем дотронуться до которого, еще сто раз надо подумать.

– Не представляешь, какая тут перед вашим приездом буря была, гроза. На станции провода оборвало, два дня весь поселок без света куковал... – Голос у Нининого знакомого был приятным; самое обычное приветствие «добрый день» он произносил при желании так многозначительно, так мягко играл низкими обертонами, что просто можно было растаять от этой его интимности и шарма.

– Костя, а ты давно здесь? – осведомилась Нина.

– С июня мы тут, все уже так успело надоесть.

– Мы? Значит, и... Лера с тобой тут? – Нина спросила это с неловкой запинкой.

– Угу, – парень нехотя кивнул, – куда ж я без нее? Точнее, она без меня?

– Но она... с ней получше или все как прежде?

– Как прежде. – Его лицо из насмешливого стало угрюмым. – Смотря как накатит. А ты, я вижу, Нина, тоже гмм... несколько изменилась за это время. Сколько мы не виделись-то? Лет пять?

– Семь.

– Ну, ты еще больше похорошела.

Щеки Нины порозовели. А Кате почудилась в этом комплименте легкая тень издевки.

– А муж ревнивый и грозный, где же он? – Парень тут впервые за весь разговор полуобернулся в сторону Кати, которая стояла на садовой дорожке в нерешительности – то ли уйти в дом, оставив Нину продолжать беседу, то ли остаться.

– Борис работает. Он... он в командировке. Он придет. На днях. Позже, словом, как только сможет. А мы... это вот моя подруга. Катюш, познакомься. Да вы же, наверное... Кость, да вы должны были встречаться! Катя, это же Костя Сорокин – разве не помнишь его? Нет? А я отлично помню, как вы у нас гостили, и еще Мещерский был с бабкой и дедом, и мы с тобой, Сережкой Мещерским и вот с Костей на заливные луга на тот берег отправились. Ну, не вспомнила, нет? У Кости еще собака была, дог такой огромный, черный!

Неужели забыла? Господи, что за память у тебя!

Константин Сорокин и по Кате скользнул оценивающим взглядом. Нет, он явно ее не припоминал. Она же... В принципе, если напрямч извилины, можно припомнить все. Даже поход на неведомые заливные луга в компании двух мальчишек и черного зверовидного дога. Но стоит ли вспоминать человека, который всем своим видом показывает, что и знать тебя никогда не знал?

– Здравствуйте. – Катя отделалась вежливым приветствием.

– А Леру можно повидать? – спросила Нина.

– Отчего ж нет? Заходи. Лучше, правда, утром, настроение у нее поровнее всегда. – Сорокин, однако, особого радушия не проявил. – Ну, и как доктор Айболит, может, что посоветуешь?

– Я же не специалист в этой области.

– А специалисты эти тоже ни черта не понимают.

– Лере полезен свежий воздух, хорошо, что вы тут сейчас. Здесь такое приволье, так красиво. После Москвы, чадной, грязной, тут так легко дышится. – После раздраженного сорокинского «ни черта» Нина явно стремилась перевести разговор в иное русло. – А из нашей старой компании тут сейчас кто-нибудь появляется?

– Почти никого. Корнилов Денис большим человеком стал. Павлик – помнишь Павлика? – все такой же – погряз в судах, бедняга. У них дачка меж целой кучи родственников

поделена по наследству. Тяжба третий год идет. Верка не появляется, я слышал, вроде развелась... Мак подался в Штаты. Шурка Кузнецов – помнишь его, ну конечно, не можешь не помнить... этот иногда появляется. А остальные... Да тут старичье одно дохлое. Сейчас мало кто постоянно здесь живет. Так, все на субботу-воскресенье в основном наведываются. Да, кстати, Александра Модестовна тут. С мая почти живет. Я к ней утром заглянул. Она, между прочим, мне про вас и сказала – машину вашу из окна заметила.

– Она с мужем здесь?

– Старик умер в прошлом году. Она с подругой тут. Они... – Сорокин не договорил – с участка, расположенного напротив через улицу, донесся приглушенный расстоянием, однако отчетливо слышимый звук. Кате показалось: кто-то пытался очень фальшиво и очень громко петь, замахиваясь на самые высокие ноты, и тут же словно давился мелодией, срываясь на крик.

– Чертовка моя упражняется. – Сорокин поморщился. – Ну ладно, девчонки, пойду. Приятно было увидеть тебя, Нина. Скоро уже? – Он неловким жестом указал куда-то Нине под ноги. Та поняла.

– Нет. Времени еще достаточно.

– М-да, ну, я, в общем, рад. Еще увидимся, да? – Сорокин кивнул им и быстро зашагал вдоль забора.

– Неужели совсем его не помнишь? – спросила Нина, когда он скрылся за углом своей дачи.

– Совсем. И он меня, кажется, тоже.

Катя наклонилась и сорвала с куста, росшего рядом с забором, спелую ягоду крыжовника.

– А кто это «его чертовка»? – спросила она чуть погодя. – Жена?

– Сестра. Старшая. Валерка Сорокина. У них разница лет пять. – Нина вздохнула. – Да, давненько мы с ним не виделись. А все детство вместе, вот с таких лет. Соседи ведь. Они жили с матерью и отчимом, каждый год приезжали. Потом мать умерла, а с отчимом, видно, отношения испортились. В общем, Костька почти сразу, как институт закончил, сам себе голова стал. И сестра еще на нем. С Лерой давно у них проблемы. Она... – Нина многозначительно покрутила пальцем у виска. – То ничего-ничего, тихая, а то вдруг... Помню, нам лет по одиннадцати было, а ей пятнадцать или шестнадцать, пошли мы с девчонками на речку. И там с Леркой припадок произошел. Ужасно, как она орала, корчилась там на траве. Мы перепугались, за родителями побежали. – Нина усмехнулась. – Костька сестру не бросает все эти годы – это ему надо отдать должное. Возится с ней, ухаживает. Это по нынешним временам большая редкость – такой нелегкий крест на себе нести. Наверное, поэтому до сих пор и не женат. Вон их участок. – Она указала через улицу. – Сад-то зарос как.

– Мало радости такому, как этот твой Костя, коротать тут месяц за месяцем в компании с ненормальной сестрой. А что

это он бездельничает? Безработный? – спросила Катя.

Нина пожала плечами: спроси что полегче.

– Веселенькие соседи, ничего не скажешь. – Катя уныло взглянула на соседний участок. – А тут еще этот мальчишка чудной.

– Какой мальчишка?

– Там вон в кустах сидел. – Катя указала на сарай. – У соседей. Какой-то прямо зверенок дикий. Я думала, он меня укусит за руку.

– С того участка? Странно. Там вроде бы никаких маленьких детей быть не должно... – Нина снова пожала плечами. – Может, к Александре родственники какие нагрянули?

– К кому? Нина скороговоркой (видимо, ей уже наскучило сплетничать про соседей) пояснила, что соседняя дача принадлежит старым знакомым ее семьи.

– Он художник был, и довольно знаменитый – Георгий Забелло-Чебукиани. С дедом моим они очень дружили, а у отца в кардиоцентре он потом на обследовании лежал: как грузин у грузина. – Нина улыбнулась. – Но это бог знает когда было. Георгий Галактионович такой забавный был – с бородой всегда ходил, как Карл Маркс. В молодости он в мастерской Павла Корина работал, потом византийской мозаикой увлекся, фрески в Киеве реставрировал, потом... Потом метро московское было, метро в Ереване, госпремии на него дождем лились золотым, в ЮНЕСКО работал, потом стал придворным живописцем. Говорят, сам Король Солнце

его лично знал и любил.

– Кто?

– Брежнев, Катенька. Не стоит забывать доброго дедушку, обеспечившего нам такое счастливое пионерское детство. Жен у дяди Георгия вагон и маленькая тележка была. Этим они с моим дедулей как две капли воды были похожи – непостоянством. Александра – его последняя пассия. Говорят, когда она его заарканила, целый скандал грянул – она его ведь у жены внаглую отбила. Ну, что еще тебе про них рассказать? За границу он ездил, выставок у него было много персональных. Одну я запомнила. Мы с дедом ходили по приглашению. Чебукиани тогда с ювелирной промышленностью начал сотрудничать. Госзаказ какой-то на алмазной фабрике к очередному юбилею Брежнева выполнял. Нашим в голову взбрело «Де Бирс» переплюнуть – мол, и у нас выдающиеся художники-дизайнеры имеются. Выставка мне понравилась: были там красивые штучки, ах как мне тогда таких побрякушек хотелось! Потом они в ресторане все обмывали, деда моего на такси пьяного оттуда привезли! А потом... у дяди Георгия первый инфаркт случился, он к отцу в клинику лег и... О здоровье своем стал беспокоиться. Тут в последние годы на даче жил. И зимой иногда даже. И вот, как видишь, умер. Жена его Александра Модестовна всегда дружила с нами по-соседски. Тетка она хорошая. Немного манерная, правда, – ну да, она ведь бывшая балерина вроде... Но так душевная, гостеприимная. С Георгием-то у них лет

двадцать разница была, и тогда такие браки неравные тоже в моде были, как и сейчас. Надо пойти поздороваться с ней, а то неудобно... – Нина прислушалась. – А что-то тихо у них на участке. Я думала – там вообще никто не живет. Впрочем, тихо стало, как в могиле, в нашей Май-Горе. Раньше летом – полна улица детворы, пацаны на великах гоняли, на речку, за грибами, за ягодами. Крик, смех, иногда и подерутся, а сейчас словно вымерло все. Слышала ведь, из нашей старой дачной компании кто в Штаты подался, кто в «новые русские» выбился, а кто и... Борька, гад, – закончила она совершенно неожиданно, и в голосе ее снова появились слезы. – Я ему этого никогда не забуду! Как я тут перед всеми врать должна, что он меня не бросил, а... – Она осеклась. – Ладно, баста. Кто про что, а вшивый все про свою баню. Я, Катюш, пожалуй, схожу минут на пять к Александре нашей. Только поздороваюсь – и назад. А то она всем этим вежливым церемониям большое значение придает. Хочешь со мной?

Но Катя отказалась. Оставшись одна, она кое-как выволокла из сарая садовые скамейки и столик, притащила все это богатство под липу у крыльца. Пчелы жужжали на заросшей сорняками клумбе. Солнце припекало все сильнее и сильнее, приближаясь к зениту. Совсем не хотелось что-то делать, даже думать о чем-то было лень.

Нина вернулась через час с четвертью с целой тарелкой спелой красной смородины. Сообщила, что это подарок соседей.

– Они варенье сегодня варят – ос у них на террасе! Кстати, на свежие пенки приглашают нас вечером к чаю. – Нина вобрала губами спелую смородиновую гроздь и вкусно облизнулась. – Ты насчет ребенка спрашивала, так это у Александры какая-то приятельница живет. Я ее мельком видела. Это, наверное, ее мальчик. А у самой Александры Модестовны детей нет.

До вечера они разбирали в доме старые вещи, затем, споря и чертыхаясь, занялись настройкой телевизора, который ловил всего три программы, и то с грехом пополам. По экрану поползли полосы, то и дело пропадал звук. Катя по указанию приятельницы с антенной (мотком провода) в руках сновала из угла в угол комнаты, стараясь найти наилучшую для изображения точку.

– У соседей та же проблема – помехи, – сообщила Нина. – Все потому, что мы от трансформаторной будки далеко расположены. Мне Александра сказала, что у них тут какой-то знакомый есть, в технике хорошо разбирается. Телевизор и видео им наладил. Он сегодня к ним на чай придет. Можно будет при случае и нашу рухлядь попросить починить.

Сумерки накатывали на Май-Гору дымчато-прозрачной волной. В небе носились ласточки. «Деревенские, обрати внимание, – указала Нина. – Совершенно на городских не похожи». Осмотр живописных окрестностей решено было отложить до утра. После уборки в доме они устали так, что сил хватило лишь на то, чтобы извлечь из сарая гамак, заце-

пить его за крючки, вбитые в две дремучие елки позади дома, и плюхнуться в эту импровизированную качалку, млея от блаженства.

– Ну, восьмой час уже, давай-ка, милочка, собираться. – Нина глянула на наручные часики. – Век бы тут сидели, правда? Но уже прохладно. Александра тебе понравится. Насколько я помню, у нее всегда был полон дом народа. Известные все люди наезжали – по-настоящему известные – художники, актеры, музыканты. С самим-то Чебукиани все дружить были рады. Особенно когда он у тех, кто наверху, в большой чести был – ну, сама понимаешь. А вообще художник он был неплохой, стильный. И на Западе имя имел. И довольно многогранным талантом обладал, хотя, опять же по известным причинам, с соцреализмом все же дружил больше, чем с авангардом.

Они не спеша побрели к дому. Яркие фары проехавшей по улице машины спугнули сгущавшиеся сумерки. Донеслась музыка – Моцарт. Машина проехала, и вот тут-то...

Катя внезапно остановилась и уставилась на темные кусты, скрывавшие забор и участок дачи Чебукиани. Кругом было тихо и темно. Пахло хвоей, нагретой солнцем за весь этот долгий день, дымом, речной водой. Везде царил безмятежный покой, о котором она так мечтала в душном, пропитанном пылью и бензином городе. Все вроде было хорошо, но тем не менее...

Да что с тобой? Чего ты так внезапно испугалась? Катя,

помедлив, двинулась дальше. Испуг. Да, да, это было не что иное, как резкий выброс адреналина в кровь, от которого все так и похолодело внутри и сильно забилося сердце. Совершенно беспричинный испуг. Катя снова обернулась, напряженно вглядываясь в дремучее сплетение ветвей. Конечно же, там никого нет. Не было и быть никого не может! Что же это ты, радость моя, перед самой обычной темнотой так трусишь? Прямо первобытные инстинкты какие-то – мороз по коже, предчувствие опасности, невидимой и неслышимой, но грозной и неумолимой, которая вот-вот тебя настигнет и...

– Ты чего? – Нина включила на крыльце свет. Вокруг матового круглого светильника сразу же закружились ночные бабочки. – Что, лягушек заслушалась?

Катя взошла по ступенькам. Все же она отъявленная трусиха. Стыдно признаться, но... Тепличное городское создание, пугливое и мнительное, совершенно не приспособленное к жизни на природе. Однако... Она просто не могла не оглянуться еще раз. Ну? Никого. Это всего лишь темнота – чернила ночи. На террасе сейчас зажгут лампу под зеленым абажуром, и темнота враз отступит. А если у тебя, дорогуша, расшатаны нервы, то надо пойти полечиться.

И все же на душе было как-то беспокойно. И беспокойство это никак не покидало. Катя никому бы в том не призналась, но в глубине души отчего-то ей совсем не хотелось идти в дом-невидимку, утонувший в зелени мрачного сада,

где водился (она просто не смогла бы в тот миг подобрать иного слова) странный ребенок-альбинос, схожий видом с каким-то маленьким животным.

Глава 6

ЧАЙ

– ...Сыр не стоит хранить в полиэтиленовой обертке. Так теряется весь вкус. Саша, у нас с тобой найдется фольга? Если нет, я лучше нарву в саду лопухов. Правда-правда, не смейтесь – убедитесь сами, что лучшего способа хранения для этого продукта еще не изобретено.

На просторной террасе, освещенной шестирожковой люстрой с желтыми плафонами, у круглого обеденного стола, сервированного к чаю, стояли две женщины. Одна лицом к яркому свету, другая – спиной. Катя и Нина, поднявшиеся по скрипучим ступенькам, увидели сначала ту, которую освещала люстра, – невысокую, немного полную женщину лет пятидесяти с небольшим. У нее были седые, подстриженные в красивое каре волосы, оттененные жемчужно-пепельной краской «Гарнье» (Катя никогда не ошибалась в определении таких вещей), ясные задумчивые голубые глаза и улыбчивый рот. Лицо ее было ухоженным, чувствовалось, что женщина много времени уделяет зеркалу и оздоровительной косметике.

Однако, знакомясь, она подала Кате руку неожиданно крупную, почти мужскую. С ясно ощутимыми мозолями. Ногти были коротко подстрижены, не оставляя и намека на

маникюр. На этой руке, однако, весьма красиво смотрелись серебряные кольца и браслет с узором, который Катя разглядеть не успела.

Звали женщину Юлия Павловна, и она оказалась старой приятельницей хозяйки дачи. Сама же Александра Забелло-Чебукиани (Катя несколько раз про себя повторила эту громкую фамилию, которая так и отдавала этакой театральной антрепризой конца прошлого века) была совершенно иной.

– Ниночка, девочки, вот молодцы, что пришли! Сейчас за стол сядем. Самое скучное во время дачного отпуска – это вечера, правда? Так и тянет грустить о прошлом. Чушь какая! Просто не следует коротать их за телевизором.

Голос у Александры Модестовны был громким и оживленным, чуть-чуть сорванным, но приятным. Слова она произносила стремительно, словно боясь позабыть конец фразы. Огорошив собеседника энергичной скороговоркой, она тут же компенсировала эту свою громкость самой дружеской улыбкой. И после двух-трех ее фраз складывалось впечатление, что вы знаете свою собеседницу давным-давно.

Быстрыми и энергичными, впрочем, были все ее движения. Глядя на эту супердеятельную крашеную (цвет «Синяя полночь» от «Шварцкопф») брюнетку с короткой стрижкой, отлично сохранившейся фигурой и не красивым, но породистым («стильным», как выразилась Нина) лицом и макияжем, Катя начала понимать смысл известной фразы о том,

что «после пятидесяти ежедневный бег трусцой – спасенье от инфаркта». При взгляде на вдову художника складывалось впечатление, что она все время проводит на беговой ленте тренажера, не позволяющего ей расслабиться ни на минуту.

У нее ко всему еще были и первоклассные духи. Катя ощущала их аромат при каждом движении Александры Модестовны. Несмотря на тщательный вечерний макияж, обе женщины одеты были вполне просто, по-дачному: Чебукиани была в вельветовых джинсах и бежевой свободной, крупной вязки кофте – все это чрезвычайно шло к ее поджарой фигуре. А на Юлии Павловне было темное летнее платье в трогательный белый горошек.

На террасе, когда подруги вошли, находился и еще один человек. Он сидел в дальнем углу в кресле, совершенно похозяйски вытянув ноги в джинсах и дорогих кроссовках, испачканных землей. Это был грузный мужчина в летах, и поначалу Катя не обратила на него никакого внимания. Александра Модестовна, Юлия Павловна, тот самый Нинин «друг детства» Константин Сорокин, неожиданно явившийся из глубины дома, – всем им надо было одновременно отвечать на приветствия, вежливо улыбаться. В этом совсем не мрачном, а напротив, весьма шумном, гостеприимном, наполненном людьми доме она чувствовала себя все же очень скованно и смущенно.

И потом, внимание Кати тут же привлек мужчина лет со-

рока, спустившийся на террасу со второго этажа по лестнице. О, там было на что посмотреть! Это был чрезвычайно красивый, атлетически сложенный, высокий и яркий блондин. Рост, широкие плечи, мощная выпуклая грудь, обтянутая синей простенькой футболкой, упрямый подбородок с ямкой, серые глаза с прищуром – это «явление сверху» было олицетворением всего того, что представлялось Кате чрезвычайно привлекательным в мужчине. Нина тоже не могла не заметить столь интересного незнакомца.

Но незнакомец был и вправду мужчина – первый сорт. И явно знал себе цену. Кате и Нине он вежливо и безразлично кивнул. Но представляться не стал.

Секунду на террасе царил шумное замешательство, как это всегда бывает в большой компании в ожидании приглашения к столу, когда в этот сплоченный коллектив попадают новые люди, но затем все вернулось в свое русло. Прерванный разговор возобновился. Катя потом не раз вспоминала, как она, попав впервые в этот дом, чуть ли не с порога окунулась в его неповторимую звуковую атмосферу. Звуки были совершенно разные, нередко взаимоисключающие, лишенные какой-либо гармонии. И тем не менее в них ясно ощущалось единство. Это было похоже на симфонию композитора-экспериментатора, собравшего и соединившего тысячи самых различных мелодий, в основе которых, однако, лежали семь главных нот музыкального лада.

Из глубины дома гремел выстрелами телевизор, потом там

переключили программу, попав на новости, затем недовольный мужской голос капризно приказал: «Выключи, голова кругом!» И вот – веселенькое дребезжание старого джаза, причудливо переплетающееся с мелодией «Болеро», громкий резкий щелчок – разошедшееся дерево в стене где-то треснуло, чьи-то быстрые шаги на лестнице и...

От какофонии всего этого шума Катя даже несколько растерялась. Желтая шестирожковая люстра светила ослепительно ярко. Под деревянным, отделанным вагонкой потолком плясали ночные бабочки, налетевшие на террасу через распахнутую настежь дверь. Их крохотные тени совершенно беззвучно – и это было даже странно в этом шуме – скользили по скатерти.

– Вы боитесь насекомых, Катенька?

Катя обернулась. Юлия Павловна – она шла с кухни с плетеной сухарницей в руках – тоже засмотрелась на бабочек.

– Нет, но... вообще-то да. Не боюсь, но не люблю. – Катя посторонилась, пропуская ее к столу.

– Много их налетело. Надо бы дверь завесить... раньше продавались такие вьетнамские шторы из бамбука. Шуршали на ветру очень приятно. Не бойтесь, милая, это хрупкие создания. – Она дотронулась до Катиной руки чуть повыше запястья, словно дружески ободряя. – Они живут один день. Завтра от них не останется и следа. И они совершенно безвредны.

– К столу, к столу, – Александра Модестовна внесла на

черном подносе сразу несколько небольших пузатых глиняных чайников, – чем богаты...

Чай в них оказался разным: травяным, фруктовым, зеленым китайским с добавками, липовым – и еще бог знает каких сортов. Всего чайников было семь. Кате по ее просьбе налили чая с вишневым листом. Мужчина, сидевший напротив, весь вечер пил чай с мятой. Нина пила зеленый. Какой же чай, из каких именно чайников пили остальные (хотя впоследствии именно эта деталь настойчиво интересовала Колосова), она там, за столом, не запомнила.

Это было обычное шумное застолье. Разносолов особых не было, но, помимо чая, появилось и спиртное – а как же в компании, где больше половины – мужчины, без него? Бутылка хорошего армянского коньяка, какой-то импортный ликер и фляжка в полиэтиленовой красивой оплетке – Катя не видела, что это точно было, – скорей всего виски, судя по бутылке. Одно она могла подтвердить точно: никто из женщин за столом спиртного не пил – только травяной чай. К рюмкам весьма активно прикладывались из всей компании трое мужчин: Константин Сорокин, какой-то плотного сложения парень с подбритым затылком, одетый в фирменную байковую толстовку. Катя поняла из общей беседы, что это родственник Александры Модестовны, да к тому же ее тезка: его звали за столом кто Шура, кто Саша, и...

Именно этот удивительный человек на весь оставшийся вечер приковал ее внимание. Катя поражалась: надо же, ведь

поначалу она его даже не заметила! Его! О встрече с которым не раз, наверное, впоследствии будет рассказывать и на работе, и дома.

Это был Олег Смирнов. Первый фильм с его участием Катя видела в шесть лет. Фильм был красивый, романтический, со стрельбой и приключениями, про гражданскую войну, про белых и красных в духе «неуловимых». Катя-малышка переживала за героев аж до слез. Прямо руки чесались выстрелом из рогатки, отнятой у друга детства Сережки Мещерского, помочь главному герою (Олегу Смирнову), когда он мчался по степи, да на тачанке с пулеметом, да кони его гнедые были подобны огненному чуду...

И впоследствии Олег Смирнов частенько позволял любоваться собой с экрана. Он снимался со всеми известными актерами, у самых знаменитых режиссеров. Он и сам был знаменит и популярен. А еще молод, пластичен, обаятелен, талантлив. И это было вроде бы совсем недавно, возможно, не далее как вчера, но...

Сейчас напротив Кати сидел грузный, тронутый сединой шестидесятилетний мужчина с еще красивым, но усталым, словно бы измятым жизнью лицом. Он старался держаться бодро, что называется, молодцом. Но это была уже тень тени того, что когда-то было. Кате стало грустно.

Об Олеге Смирнове (хотя там, за столом, она так и не осмелилась заговорить с ним) она, порывшись в памяти, извлекла массу сведений. В последнее время, когда кинемато-

граф наш почти умер (как печально выражался Кравченко, любивший «киношку», – «склеил ласты»), Смирнов много и весьма плодотворно работал в театре. Он покинул МХАТ, организовав собственный коммерческий театр. Назывался тот весьма претенциозно «Табакерка грез». В этой «Табакерке», как осторожно замечала газета «Культура», «царил дух новаторства». Там ставили весьма рискованные и эпатирующие эксперименты, в том числе и с классикой.

Желтая пресса порой взхлеб писала об откровенно сексуально-скандальном характере некоторых постановок Смирнова. Он одним из первых обратился к «Жюстине» маркиза де Сада. Затем прочное место в репертуаре «Табакерки» заняли «Сто дней Содома», «Тихие дни в Виши». Он ставил и «Лолиту», но потерпел неудачу.

В спектаклях этого театра, по выражению ценителей, царил «оргиастический дух абсолютной свободы и раскрепощения плоти». Смирнов каждый раз показывал что-нибудь «остренькое»: женский и мужской стриптиз, акробатические трюки в постели, исполнение мужских ролей – женщинами, а женских – раскрашенными мальчиками. Он увлекался античностью. Его «Вакханки», поставленные очень откровенно, кроваво и брутально, всколыхнули Париж, когда «Табакерка» ездила туда на гастроли. Однако...

В Москве, в отличие от Парижа, к «Табакерке» было несколько иное отношение. Сейчас, сидя за одним столом с этим человеком, Катя размышляла о том, что же это за

существо такое – актер, ставший театральным режиссером? Смирнов, запечатленный камерой в вихре гражданской войны, в комиссарской тужурке, лихо косящий с мчащейся танки пулеметным огнем махновцев, был тем же самым человеком, тем же самым исполнителем, что выходил на сцену в «Жюстине», где он, напудренный и покрашенный, в аллонжевом парике и кружевах, играл брутального извращенца, сладостно и жестоко наказывавшего плетью голозадых, жеманных пастушек и пастушков на пасторальной лужайке.

«Какие причудливые зигзаги творческой биографии, – насмешливо думала Катя. – Или все эти эротические причуды от возраста? Впрочем, а чем сейчас еще привлечешь внимание публики, вызовешь ажиотаж, сделаешь деньги, наконец, как не скандалом? А когда и маньяки-извращенцы публике наскучат, он возьмет да и снова поставит „Оптимистическую трагедию“».

Из газет она знала, что Смирнов год назад женился на молодой актрисе своего театра. Это, как писали газеты, была «самая шумная московская свадьба докризисного периода». У них родился ребенок. Неравные браки были по-прежнему в большой моде. Катя сожалела, что у Чебукиани Смирнов появился один. Ей бы очень хотелось взглянуть и на его жену.

С Александрой Модестовной – и это было ясно с первого взгляда – Смирнова связывала старинная дружба. Он был явно свой человек в ее доме, хорошо знал ее мужа. Имя Ге-

оргия Чебукиани – «Гоги», как называл его Смирнов, то и дело упоминалось за столом: «А помните, какой Гога предложил тост на открытии...»; «Гога никогда не взялся бы за тот госзаказ, если бы не звонок Фурцевой в мастерскую...»; «Гога любил айву, помните, как мы в Гаграх...»

С Юлией Павловной Смирнова, видимо, тоже связывало давнее знакомство. Но общее между ними было все же несколько иным: в их отношениях не чувствовалось той простоты, с которой он обращался к «вдове Гоги». Когда говорила Юлия Павловна, Смирнов слушал молча, внимательно (Кате даже показалось, что напряженно). Он вроде бы и хотел, и вместе с тем не хотел отвечать на ее вопросы, улыбаться ее шуткам. Именно Смирнов в тот вечер и пил больше всех за столом спиртного. Рюмка за рюмкой – он прихлебывал коньяк маленькими глотками. Сосал дольку лимона, иногда брал из коробки шоколадную конфету, а затем снова сам наполнял свою рюмку. Когда он потянулся за конфетами на дальний край стола, Катя увидела, что левая рука его изувечена: ладонь пересекал длинный косой шрам. Уже полузаживший, наполовину зарубцевавшийся.

Скоро Смирнов заметно опьянел. Лицо его покраснело. Зрачки расширились, отчего сами глаза стали казаться темными, огромными, глубокими. Во взгляде его Катя читала все ту же усталость, пресыщенность и какую-то мрачную меланхолию, хотя он охотно участвовал в общей беседе, иногда даже рассказывал анекдот, а иногда громко смеялся. Созда-

валось впечатление, что мысли этого человека где-то очень, очень далеко и от этого застолья, и от собеседников. И вот тут-то...

Всего за столом вместе с Катей и ее приятельницей находилось восемь человек. Но тут неожиданно появился девятый гость, точнее...

ОНА возникла из мрака на освещенном пороге террасы бесшумно, словно дух ночи. Впрочем, это романтическое сравнение пришло Кате на ум гораздо позже. А в ту самую их первую встречу с Валерией Сорокиной Кате сразу же бросилось в глаза: что-то не так. Это «что-то не так» ясно читалось в облике этой сравнительно молодой, но катастрофически увядшей женщины. Поражала ее худоба. Тонкие руки, которыми она цеплялась за дверные косяки, костлявые плечики, с которых едва-едва не соскальзывали бретельки ситцевого сарафанчика-коротышки, голенастые с утолщенными коленями ноги, похожие одновременно и на побег бамбука, и на лыжные палки. Сорокина была тускло-серой блондинкой. Жидкие волосы были заплетены в тощую косичку, перекинутую на грудь. Лицо было тоже очень худым, даже изможденным. На нем раз и навсегда застыло иступленно-удивленное выражение.

«Что-то не так» было и в том, как восприняли ее появление гости Александры Модестовны. Кате бросился в глаза гневно-раздраженный жест Константина Сорокина, означавший одновременно и: «Тебя тут только, дура, не хватало!»,

и: «Пошла прочь сию же секунду!»

Нина тоже переменялась в лице. Заметно было, что она не ожидала увидеть ту, которую знала с самого детства, вот такой. И тут среди общего замешательства раздался голос Юлии Павловны:

– Лера, детка, да ты совсем продрогла. И запыхалась-то как! Ты что, бежала всю дорогу, что ли? Или тебя кто-то напугал? Нет? Просто вечером прохладно и ты замерзла? Ничего, ничего, сейчас выпьешь чайку, согреешься сразу. Я тебе кофточку шерстяную дам, идем-ка, ну-ка, смелее. – Она подошла к Сорокиной и, легонько подталкивая, повела ее к столу.

Сидящий ближе всех к входной двери красавец-блондин, так поразивший сначала своим видом Катю (звали его вроде Владимир, но за весь вечер он так мало разговаривал, что ни подтвердить, ни опровергнуть это Кате так и не удалось), отправился в комнату за дополнительным стулом.

Константин Сорокин, казалось, был вне себя от того, что сестра его заявила к соседям. Кстати, как заметила Катя, весь этот вечер он точно пришпиленный держался возле Александры Модестовны. Постоянно оказывал ей разные мелкие галантные услуги: то вазу с яблоками подвинет, то чаю нальет, то потянется через стол за коробкой конфет для нее. На сестру же он бросал такие взгляды, что было ясно: дома бедняжке за такое вторжение не поздоровится. Нинины слова про Сорокину Катя помнила. А теперь и сама убе-

дилась: у Леры-Валерии явные проблемы с психикой. Заторможенность, сменяемая внезапной и беспричинной лихорадочностью движений, нелепая, порой непонятная жестикация, настойчивый, тяжелый и вместе с тем расплывчато-ускользающий взгляд говорили сами за себя. Потом уже, когда в Май-Горе произошло это самое первое ужасное событие, как именовали случившееся старожилы, Катя, отвечая на вопросы Колосова, напряженно силилась вспомнить: какой сорт чая пила в тот вечер Лера и из какого именно чайника ей наливали? Кто еще пил тот же самый чай? Пыталась она вспомнить (увы, тоже безуспешно) еще и другое: до или после того так заинтересовавшего всех разговора появилась в доме сестра Сорокина?

В одном Катя была твердо убеждена: ТОТ ПРИСКОРБНЫЙ ИНЦИДЕНТ, РАССТРОИВШИЙ ВЕЧЕРИНКУ, СЛУЧИЛСЯ ПОСЛЕ.

Сначала какой-либо общей темы беседы за столом не было. Катя впоследствии не раз пыталась дословно припомнить те разговоры, которые ей довелось услышать. Голоса журчали неспешно. Вот Александра Модестовна, отвернувшись от Сорокина, который только что рассказывал о своем прошлогоднем путешествии в Египет, обращается к Нине. Разговор о ее самочувствии: «Как переносит беременность, не мучает ли тошнота по утрам? Ах, нет токсикоза? Тебе очень повезло, девочка...»

Вот Сорокин и тот парень с подбритым затылком – Шу-

ра – обсуждали какую-то шведскую «резину» для покрышек. Юлия Павловна рассказала, как была на закрытии сезона в Малом театре и смотрела «Коварство и любовь». Она стала рассуждать о добровольном женском рабстве, якобы Шиллер навевает некоторые ассоциации с современностью, но... «Даже для моего возраста все чересчур монументально, а так бы хотелось окунуться в простые человеческие чувства без всякой патетики». Кто-то из гостей – кажется, Смирнов, но это Катя точно не помнила – заметил, что Шиллер вообще нелеп и несовременен. Юлия Павловна пожала плечами, но согласилась, что «брутальная страсть, от которой так и тянет в петлю, действительно нелепа».

– Так подобный поступок, по-вашему, Юлия Павловна, всего лишь нелеп? – Этот вопрос, как помнила Катя, задал почти весь вечер молчавший красавец-блондин по имени Владимир. Он сидел на дальнем от Кати конце стола рядом с типом с подбритым затылком. Там усадили и Леру Сорокину – подальше от ее рассерженного брата.

– Какой поступок, Володя? – спросила Юлия Павловна. – Саша, а мы опять забыли с тобой предложить – может, кто меда хочет? Отличный мед, соты. На рынке здешнем очень приличный можно выбрать, и относительно недорого.

– Я имею в виду самоубийство, вы же о нем упомянули. Такой поступок только лишь нелеп?

– Слушайте, а вы видели по телевизору репортаж о том, что случилось тут у нас? Ну, в городе, – вмешался Сорокин. –

В криминальных новостях недели? Самоубийство по загадочным и странным причинам. Директор местного завода, такой жук прожженный – и поди ж ты, руки вдруг на себя наложил. Повесился ни с того ни с сего в городском парке на виду у всех.

Тут Сорокина перебила Нина. Кто ее за язык тянул – неизвестно! Но она тут же выложила гостям Александры Модестовны, что тот репортаж с места событий готовила не кто иная, как ее приятельница, – вот, прошу любить и жаловать: Катя Петровская, криминальный обозреватель, работает в милиции, в центре общественных связей. И самоубийство-то в Старо-Павловске, оказывается, не первое, был там еще один странный и необъяснимый случай, от которого прямо мороз по коже. Взоры всех обратились на Катю.

– И что же, там какое-нибудь расследование ведется о причинах его смерти? – спросила Александра Модестовна. Катя (чувствовала она себя как на экзамене!) скромненько ответила, что да, в подобных случаях прокуратура и правоохранительные органы всегда проводят проверку тех обстоятельств, которые могли привести к добровольному уходу человека из жизни. Потому что в принципе смерть человека, даже если это и не криминал, всегда нуждается в объяснении. И роль средств массовой информации в освещении этого трагического ЧП, конечно... Нина пылко перебила ее: «Каких еще объяснений не хватает? Она, как врач, считает, что участившиеся в последнее время случаи суицида не что

иное, как продукт нашего несчастного времени. И у того бедняги, повесившегося в городском парке – я вот только фамилию его, Катюш, позабыла, – наверняка в жизни произошло что-то такое ужасное, что...»

– Ачкасов. Михаил Ачкасов его звали. Я не ошибаюсь, Юлия Павловна? Вы, кажется, говорили, что знали его немного? – сказал блондин Владимир. Юлия Павловна не успела ответить, потому что тут произошло вдруг то, что разом заставило всех умолкнуть.

Звон разбитого об пол блюда – Катя, как, впрочем, и все остальные, просто опешила от неожиданности. Валерия Сорокина, вскочив со стула, вдруг следом за блюдом с силой швырнула полную горячего чая чашку в... Олега Смирнова.

– Прекрати на меня смотреть! Опустить глаза! Не смей смотреть на меня вот так! Я тебе не твоя шлюха!

Смирнов, он, кстати, в эту минуту не смотрел на Сорокину, а разговаривал с парнем с подбритым затылком – Шурой, осекся на полуслове.

– Лера, милая, что с тобой? Лера, подожди, что ты делаешь?! – чуть не хором послышалось с разных сторон.

Она же, никого не слушая, впиалась худыми пальцами в скатерть и потянула ее на себя. Глаза ее, блестящие, как битое стекло, были устремлены на Сорокина. Но при этом она смотрела словно бы сквозь него.

– Опустить глаза! – прошипела она. – Ты... ты не смеешь... Ты не заставишь меня это сделать! Это гадко, безбожно! Он

меня снова дрянью назовет, грязной, паршивой, полоумной дрянью!

– Начинается. – Сорокин поднялся, с грохотом отодвинув стул. – Начинается цирк. Прекрати немедленно юродствовать! – Он подошел к сестре и начал отцеплять ее судорожно скрюченные пальцы от скатерти. Грубо встряхнул несколько раз за плечи. – Успокойся, ну же! Кому я сказал, прекрати это! Кого ты там увидела? Кто на тебя смотрит? Где?

– Лерочка, не нужно волноваться, успокойся, – Александра Модестовна произнесла все это тоном заботливой хозяйки. Но во взгляде, каким она окинула Валерию Сорокину, была лишь брезгливость. – Успокойся же! Ну, кто на тебя не так смотрит?

– Он! – Сорокина ткнула худым пальцем в Смирнова. – Подонок, я не сделаю этого, ясно тебе? Даже если ты меня снова бить начнешь! Не сделаю! Это гадко, тошно это, тошно!

– Заткнись!! – взревел Константин Сорокин.

Катю просто поразила эта его дикая вспышка ярости. Кто бы подумал, что этот дамский угодник способен на подобное. Его сестра, как и все за столом, оглушенная его криком, сжалась в комок.

– Ну, ударь меня, ударь, – прошипела она, следя лихорадочно блестящими глазами за взбешенным братом. – Ну, бей! Разбей мне губы в кровь, выколи мне глаза, растопчи меня, ну же! – И тут она в мгновение ока задрала подол сво-

его сарафанишки, обнаружив там всякое отсутствие нижнего белья, схватила руку брата и сунула себе между ног.

Сорокин свободной рукой с размаха вlepил ей такую пощечину, что она не удержала равновесия. Если бы не Шура, сумасшедшая отлетела бы к стене. Тут на террасе поднялся такой невообразимый шум, что Катя едва не оглохла. Сорокина дико орала, извивалась, пыталась вырваться. Тело ее словно исполняло дикий и страшный танец – казалось, ее руки, ноги, туловище, шея – ни один член не слушается. Ее корчило как от нестерпимой боли. Шура подхватил ее на руки. Он был физически очень сильный, это Катя отметила сразу – никто иной просто не смог бы в этот миг справиться с бесноватой.

Вместе с Сорокиным, Александрой Модестовной, Ниной и Смирновым, который, казалось, был искренне потрясен случившимся, они потащили несчастную в комнату. Никто толком, кроме Сорокина, и не знал, что делать: «Припадок у нее... Держите, держите, осторожнее, она ушибется! Кто-нибудь, быстро – полотенце! Ей что-то мягкое надо в рот – иначе она язык себе прикусит!»

Катя, хотя, честно признаться, ей было крайне не по себе, тоже сунулась было следом за ними. Может, надо куда-то бежать, искать телефон, звонить в «Скорую»?

Но тут кто-то мягко, однако настойчиво удержал ее за руку.

– Не ходите сейчас туда, – к ней обращалась Юлия Пав-

ловна. – Вы побледнели. В таком состоянии вам не стоит на это смотреть. С Лерой скоро все будет в порядке. Она, бедняжка, очень больна. Вы уж, Катя, ее извините за... ну, словом, извините, пожалуйста. Она порой сама не знает, что говорит.

– Идиотка, – процедил сквозь зубы блондин Владимир. Он единственный не поддался общей панике, а продолжал сидеть за разоренным столом. – Такой вечер чертова идиотка испортила!

Глава 7

ТЕЛО КАК УЛИКА

На столе лежали только что напечатанные фотографии. Сидящий за столом Никита Колосов вытаскивал их из раскрывшейся веером пачки, внимательно рассматривал и все больше и больше укреплялся в мысли, что среди всей этой обширной фотоколоты козырей нет. Фотографии были не что иное, как результат оперативной съемки похорон Ачкасова, прошедших на местном старо-павловском кладбище с умеренной, но тем не менее солидной помпой.

Народу собралось много. Приехали из Москвы, из соседних областей. Как оказалось, предприятие, возглавляемое Ачкасовым, имело самые обширные связи в разных регионах. Похороны вышли какие-то странные. Вместе с вполне уместной скорбью по усопшему и на кладбище, и на поминках царило всеобщее недоумение и растерянность. И здесь, как и везде в эти дни в городе, шепотом передавали друг другу самые противоречивые слухи. А у бывших компаньонов Ачкасова по бизнесу сам собой всплывал один и тот же вопрос: что же станет теперь с заводом, с контрактами, с дальнейшими перспективами сотрудничества и производства?

Колосов вспомнил похороны прокурора Полунина. Его и семью хоронили куда как скромнее. Однако оба этих траур-

ных мероприятия и атмосфера, их окружавшая, имели целый ряд сходных черт. Колосов снова начал просматривать снимки. Лица, лица – кажется, весь город здесь, на кладбище, венки, разверстая могила, вот гроб опускают на лентах, а вот уже и могильный холмик. И снова лица присутствующих, сфотографированные при помощи специальных камер крупным планом. Все более или менее заметные люди города здесь. Кроме...

На похоронах Ачкасова, как и на похоронах прокурора, не присутствовал священник. Колосову сказали, что настоятель церкви наотрез отказался участвовать в похоронах самоубийцы.

Сотрудники оперативно-технического отдела ввели и видеосъемку похорон. Кассета с записью тоже лежала на столе Колосова. Но смотреть ее начальник отдела убийств не спешил. Закончив с фотографиями, он погрузился в чтение рапортов оперативно-поискового управления, которое в течение прошедших с момента похорон дней вело негласное наблюдение за вдовой Ачкасова, его «близким другом и компаньоном», фамилия которого оказалась Модин, а также за заместителем директора завода Петровым.

На заводе работала комплексная проверочная комиссия, куда вошли сотрудники налоговой и торговой инспекций и ревизоры. Городские власти Старо-Павловска были крайне обеспокоены тем, что же будет теперь с предприятием, оставшимся без своего главы и фактического владельца?

Ведь именно этот единственный действующий завод и давал основные налоговые поступления в городской бюджет.

Начальник отдела убийств читал рапорт негласных суточных наблюдений. Он сам выбрал в качестве объектов вдову, друга и делового заместителя. И сейчас с раздражением убеждался, что ни один из детальнейших, обстоятельно составленных рапортов не несет в себе никакой позитивной информации.

Например, вдова Елена Львовна, забрав ребенка, сразу же после похорон уехала в Москву к матери и не покидала квартиру под номером 483, расположенную по адресу: Сиреневый бульвар, 5/2. Рапорт наблюдения за Модиним Станиславом Сергеевичем, 1944 года рождения, тем самым незнакомцем из «Вольво», взявшим на себя организацию похорон от лица вдовы, напротив, так и пестрел энергичными глаголами: «прибыл, убыл, встретился, вернулся». Модин казался чрезвычайно занятым человеком, успевавшим, словно Юлий Цезарь, делать одновременно тысячу дел.

Из полученной на него информации выяснилось, что он – владелец сети торговых павильонов по продаже сантехники, стройматериалов и лакокрасочных изделий, разбросанных по всей Москве и области. Модин являлся также одним из главных торговых партнеров Старо-Павловского завода, занимавшимся сбытом его продукции.

График его рабочего дня – и рапорты это всецело подтверждали – был чрезвычайно насыщен. Читая и подсчитывая то,

в скольких местах успевал за день побывать этот на вид вроде бы такой флегматичный толстяк, со сколькими людьми встретиться, Колосов все больше и больше убеждался, что он хоть и из «новых», но по сути своей неизлечимый трудоголик. Судя по собранным о нем отзывам, он пользовался доверием и уважением своих партнеров. Чем больше Колосов узнавал сведений о Модине, тем решительней менялось его отношение к этому, как ему сначала показалось, «деляге».

А о Петрове рапорты вообще ничего интересного не сообщали. Дом – завод – это были единственные места, которые посещал замдиректора, ошарашенный внезапной и беспричинной гибелью своего «патрона» и напуганный крупномасштабной ревизией, нагрянувшей на предприятие.

Когда Колосов покончил с бумагами, в кабинет заглянул коллега – начальник оперативно-поискового отдела.

– Ну как, Никита Михалыч, отчет о проделанной работе впечатляет?

– Да. Спасибо. Выручили. – Впрочем, в голосе Колосова не слышалось ни малейшего энтузиазма.

– Туфта, – сыщик-коллега бегло проглядел рапорты своих сотрудников. – Все дни ничего путного. С нашей точки зрения, самый из них любопытный этот торгош Модин. Но и по нему ничего интересного. Впрочем, я вообще сомневаюсь, что...

Он не договорил. А что тут скажешь? Непонятно вообще, что хочет раскопать начальник отдела убийств в этом проис-

шествии, которое даже и не уголовное преступление, а всего лишь «трагический несчастный случай».

– Ну и что? На выходные еще оставим или сегодня будем снимать наблюдение? – спросил он чуть погодя. – А то у меня, Никита, сам знаешь, и сроки, и лимит бензина.

Колосов кивнул: можешь не продолжать. Сам знаю, в какую копеечку влетают все эти «оперативные мероприятия». Лишние два дня все равно мало что изменят в такой ситуации. Колосов уже хотел было дать коллеге вольную, но тут позвонили из дежурной части розыска. Ленивую расслабленность, скуку словно ветром сдуло – Колосов слушал дежурного внимательно и настороженно.

– Никита Михалыч, вы просили вам лично докладывать о всех происшествиях в Старо-Павловском районе. – Дежурный зашуршал сводкой. – Вот, только что сообщение к нам из местного отдела поступило. Труп. Вроде без внешних признаков насильственной, но раз вы просили докладывать о любых случаях, я и... Да, личность установили уже. Кто обнаружил? Да дачники местные. Только это не в самом городе. Там в пятнадцати километрах поселок есть дачный. Май-Гора называется. Да-да, тот самый. Подмосковной Швейцарией еще зовут в шутку. Обнаружили утром в половине девятого у местной церкви. Там вот какое дело...

Катю разбудил солнечный свет, бьющий прямо в лицо. Вчера ночью она намеренно не задернула шторы. Лежала,

смотрела на луну. Луна казалась незнакомкой из космоса: ее бледно-зеленый диск завораживал взор. Она совсем не походила на тускло-серый блин, видимый порой в задымленном, задушенном смогом городском небе.

Вчера они с Ниной возвратились домой в половине одиннадцатого. И потом долго еще не спали, обсуждая увиденное. Нина без конца твердила «бедный Костя», словно это с Сорокиным, а не с его сестрой произошел чудовищный припадок, так напугавший всех. Катю удивило то, что для Леры так и не вызвали «Скорую».

– Почему ты как врач не настояла? – спросила она, когда они уже сидели в ночных рубашках на диване на террасе и, как водится у женщин, все никак не могли наговориться. – Она что, эпилептичка?

– Скорее это было похоже на истерию. Я сказала Косте, а он только руками замахал: «Я такие представления по десять раз на день переживаю, когда на нее накатывает дурь». Он такой злой был, такой расстроенный. – Нина и сама выглядела расстроенной. – Там так все кричали, суетились. Мои советы никто и слушать не стал. Лере надо было укол успокоительный сделать, чтобы она хоть немножко поспала. А то ведь у нее нервное истощение. Костя рассказывал, что она бессонницей страдает и есть не может. Какая худющая – видела? Как мощи! Я ее не узнала даже сначала, так она изменилась за эти годы... Жаль, конечно, что все так произошло с ней. Костька очень перед всеми извинялся.

Катя вспомнила: всю дорогу домой Нина жалела именно Сорокина, а не его больную сестру: вот ведь как у парня жизнь несчастливо сложилась! Ну, была бы жена – глядишь бы, с такой и развелся. А родную сестру куда денешь? Только и остается терпеть, нести свой крест.

Они покинули дачу Чебукиани, когда и остальные гости начали прощаться. Вечеринка, хотя Лере несколько полегчало, была испорчена. Однако кто, с кем и когда точно покинул дачу (хотя именно об этом Колосов спрашивал ее весьма настойчиво), Катя сказать не могла: ведь они с Ниной ушли одними из первых...

Катя соскочила с кровати и, как была, босиком, в ночной рубашке, на цыпочках пробежала на террасу, распахнула дверь. Дощатый пол приятно охлаждал ступни. А из сада, несмотря на ранний час (старый будильник на столе показывал всего-то половину седьмого), уже дышало предвестием будущего зноя.

– Если мы не хотим тащиться на гору по самому пеклу, то надо выходить максимум через двадцать минут. Без завтрака выдержим, а? В качестве спортивной нагрузки? А еды с собой наберем и устроим пикник на вершине, идет?

Нина выползла на террасу тоже в ночнушке и уже была переполнена идеями о том, как лучше провести день.

– Хорошо спала? – спросила Катя.

– Отвратительно. – Нина потянулась. – Этот мерзкий диван, одни колдобины, точно камнями набит. И луна еще... Я

в полнолуние глаз не смыкаю, как лунатик. В пять без четверти проснулась, читала, лежала. Ну, я не слышу шумного одобрения своему предложению. Ты за поход или против?

Катя улыбнулась. На Май-гору ей хотелось забраться еще вчера. И уж если обходить живописные окрестности, то уж лучше утром, по холодку, но... Она колебалась: можно ли Нине в ее положении заниматься альпинизмом, карабкаться на какой-то холм?

– Лично для меня такая прогулка очень полезна. Я бы и искупаться еще хотела, но... – Нина положила руку себе на живот, – вид мой в купальнике, боюсь, малоэстетичен.

– Глупости, – пылко возразила Катя. – Ты красавица у нас. – Костыка этот твой вчера глаз от тебя оторвать не мог. И вообще... в такую рань кто нас на речке увидит? Хоть голышом барахтайся. Только вот для маленького... ему разве полезно в воде?

– Еще как полезно. Родится второй Жак-Ив Кусто. Да ты меня слушай, Катюшка, запоминай. Самой все эти сведения наверняка скоро пригодятся.

Вот так и получилось, что, «едва продрав глаза, не проглотив ни куска», как горько позже сетовала Нина, они в четверть восьмого уже вышли за калитку и направились осматривать окрестности: Нина все в тех же безразмерных шортах, кофте и соломенной шляпке с кипрского пляжа, Катя тоже в шортах, майке, бейсболке козырьком назад и с рюкзаком за плечами, где лежали бутерброды, бутылка против-

ного теплого «Спрайта», полотенца и фотоаппарат-«мыльница» – снимать пейзаж с вершины горы.

Они миновали пыльный проселок и вышли к полосатому шлагбауму, преграждавшему выезд на бетонное шоссе. Мимо прокандехала автоцистерна с надписью «Молоко». Прицеп ее, украшенный надписью «Пиво», болтался сзади, прыгая и гремя на колдобинах.

За ельником открывался берег речки Сойки. Несмотря на ранний час, на песке уже возились ребяташки. Их велосипеды валялись в траве под деревьями. А Май-гора царила над рекой действительно подобно древнему кургану. Вблизи этот холм показался Кате еще выше и круче. Заросшие кустарником и молодыми деревьями склоны были насыщенного изумрудно-зеленого цвета. С восточной стороны кусты прорезала желто-коричневая глинистая промоина: по ней стекали с холма в речку Сойку дождевые потоки.

– Господствующая над местностью высота. Так дед горку нашу называл. – Нина, сдвинув шляпу на затылок, приложила руку козырьком к глазам. – Ну-ка, щелкни меня на ее фоне. Потом я тебя.

Они нащелкали фотоаппаратом несколько снимков. Катя предложила пройти берегом реки до церкви, но Нина отговорила ее: потом успеем еще, когда с холма спускаться будем, тогда и в храм заглянем.

– Тут троп навверх полно ведет. – Нина бодро взяла курс на еле заметную в траве тропинку, уводящую от реки в лес к

подножию горы. – Мы в детстве постоянно лазили: тут орехов лесных полно было, малины на склонах. Удивляюсь, и как ты ничего не помнишь?

Подъем на Май-гору занял у них минут двадцать. Шли с остановками. Нине, хоть она и всячески храбрилась, приходилось трудно. На Катин взгляд, все было кругом хорошо и живописно, только уж слишком много водилось в этих благословенных местах жгучей крапивы и кусачих мошек, тучей плясавших на солнце над белыми зонтами дудника и фиолетовыми свечками иван-чая.

И вот – они на вершине.

– Весь мир на ладони, ты счастлив и нем и только немного завидуешь тем, другим. Ой, что это? Что за дрянь еще такая?

Катя с трудом оторвалась от зрелища, открывавшегося с вершины Май-горы – в отличие от заросших склонов почти «лысой», открытой всем ветрам, утонувшей в пышной, напоенной дождями, нагретой жарким августовским солнцем траве. С горы было видно далеко-далеко: темные хвойные боры до самого горизонта, малахитовые лоскутки полей и лугов, лента речки, крыши домов далеко внизу, ниточка шоссе, уходящего куда-то...

Нина обо что-то споткнулась, ушибла и поцарапала ногу. В траве белел какой-то предмет. Катя нагнулась. Похожий на белесый камень, вымытый дождями, выступающий из земли... Это был не камень, а старый коровий череп, пустыми дырками глазниц уставившийся на них с Ниной. Катя потро-

гала темный коровий рог. Второй был обломан под самый корень и напоминал кусок щепки, воткнутой в кость.

– До крови оцарапал, гад. – Нина заковыляла к березовым бревнам, брошенным возле выжженного в траве кострища. – Откуда тут еще и дохлая корова?

Катя плавным жестом указала на кострище:

– И был заклан тучный телец, и жертва сия... Нина, а кто-то из ваших дачников скотинкой балуется, а?

– Раньше лесник местный держал корову, коз. Мы у него молоко покупали.

Катя, присев в траву, всмотрелась в череп.

– Стильная вещь. Некоторые сейчас такие вот костяшки сушат, потом лаком покрывают и держат дома в качестве природной скульптуры. Прочих останков не обнаружено, одна головенка тут бычья. Интересно, кто же, дружок, сюда тебя принес? – Она ласково погладила костяшку по лбу. – Нин, а давай возьмем с собой домой? Будешь, когда помириться, Борьку по ночам пугать.

– Найди мне дорожник. – Нина старательно «слюнила» багровую ссадину на щиколотке. – Столбняк тут еще подцепишь с этой мертвечиной!

Строя догадки, как коровий череп мог попасть на вершину горы, приятельницы разложили на березовых бревнах припасы. Но есть отчего-то не хотелось. Солнце припекало все сильнее, надо было спускаться. Спуск оказался труднее, чем подъем. Катины сандалии так и скользили по глине, пу-

тались в траве. Тропа местами пересекала густой малинник. Увы, ни единой ягодки попробовать так и не довелось: кусты были кем-то помяты, а местами и варварски поломаны. «Все обобрали, обжоры, – нелестно поминала Катя местных дачников. – Буренку смолотили на шашлыки, малину, орехи – тоже не видно! И грибов, наверное, после таких хищников в лесу днем с огнем...»

Здоровенная, как гренадер, крапивища ожгла Кате предплечье. Стараясь не делать лишних движений, почти не дышать, вообще как-нибудь уменьшиться в размерах, Катя начала «скатываться колобком» по тропе, заросшей этой кусачей дрянью. Спуск тут был очень крут. Внизу было здание церкви, дорога, ведущая к поселку. Прямо же у самого подножия холма валялся битый старый кирпич: остатки церковной ограды, примыкавшие с этой стороны к тропе.

Катя решила быстро спуститься и, пока Нина плетется следом, сделать несколько снимков. Гора нависала над ними зеленым куполом. И уж если фотографироваться на ее фоне, лучшей экспозиции и не придумаешь.

Катя что есть духу припустила вниз. Вот и ограда – оставшийся фрагмент ржавой решетки, обвитой жидким вьюнком, что-то пестренькое в траве и...

Катя, вскинувшая уже было фотоаппарат, вдруг замерла. Круто обернулась. Пестренькое в траве... Она увидела то, от чего сердце ее сразу упало куда-то вниз, вниз...

Бледная, тощая, исцарапанная рука, судорожно впившая-

ся в каменный обломок церковной ограды. «Пестренькой» на фоне выжженной солнцем травы была ткань ситцевого сарафана.

Катя попятилась. Сзади раздался сдавленный Нинин крик. Перед ними ничком в траве лежала Валерия Сорокина. Над ней уже гудел целый рой мух.

НА ТЕЛЕ ЖЕНЩИНЫ НЕ ОБНАРУЖИЛОСЬ НИКАКИХ ВИДИМЫХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ. Колосов прибыл в Май-Гору первым, опередив и патологоанатома, и представителя прокуратуры. Первый находился в тот день на научном семинаре в Москве в Военно-медицинском госпитале. Возвращения его ждали лишь к вечеру. А дежурного следователя прокуратуры в дачный поселок пока вызывать медлили: именно начальнику отдела убийств и предстояло решить, нужен ли тут следователь. Пока еще точно не было известно, с чем они столкнулись на этот раз: с криминальным происшествием либо же со скоропостижной смертью.

То, что на месте **ЭТОГО ПРОИСШЕСТВИЯ** так внезапно объявилась Катя и что не кто иной, как именно она и ее приятельница на этот раз являются одними из главных свидетелей, обнаружившими первыми бездыханный труп, особого удивления у Колосова не вызвало. Некогда было разыгрывать изумление, да и ни к чему... В свои тридцать четыре с небольшим, успев повидать в жизни много такого, чего иным, к их счастью и душевному спокойствию, видеть не

доводилось, Колосов научился относиться ко многим жизненным совпадениям и поразительным случайностям внешне совершенно невозмутимо. В принципе ничего особенного не было в том, что Катя решила провести свой отпуск на даче у закадычной подруги. Она сама быстро и сбивчиво поведала ему об этом, то и дело тревожно оглядываясь на оцепленное патрульными место происшествия, куда милиция до начала осмотра не допускала посторонних.

Весть о случившемся облетела Май-Гору в мгновение ока. И любопытных, несмотря на кажущуюся тишину и безлюдье поселка, собралось немало.

Труп женщины, опознанной соседями как Валерия Сорокина, местная дачница, начальник отдела убийств осматривал вместе с дежурными сотрудниками Старо-Павловского отдела: участковым и криминалистом; всего несколько суток назад они так же осматривали и труп самоубийцы в парке.

Не откладывая дела в долгий ящик, участковый занялся опросом населения. У умершей имелся родной брат, участковый знал его. Кто-то из дачников сразу же побежал за братом на участок.

Колосов же отложил на потом все разговоры с соседями Сорокиных, с братом погибшей, все объяснения с Катей. Сначала следовало прояснить картину: с чем же они столкнулись на этот раз. Что случилось с Валерией Сорокиной, умершей столь внезапно и в таком вроде бы неподходящем месте, как пустырь возле церковной ограды?

Краткая информация поступила быстро: погибшая проживала вместе с братом на собственной даче, доставшейся по наследству от родственников. Адрес: Лесная улица, дачный участок под номером двенадцать. «Это в аккурат на другом конце поселка отсюда, – сообщил участковый и тут же добавил, понизив голос: – С головой у нее не все в порядке было – факт. Про это многие тут у нас знали. Бог, как говорится, прибрал девчонку. Сами же видите, Никита Михайлович, – ни ран, ни повреждений. Крови тоже нет. Ну, значит, какие ваши указания будут? Звонить в прокуратуру и следователя вызывать? Или я сам протоколом как скоропостижную оформлю?»

Участковый для себя уже все решил. Раз нет видимых признаков насильственного посягательства – чего ж огород городить? Однако Колосов с выводами не спешил. Вместе с криминалистом они приступили к осмотру трупа.

Сорокина лежала ничком в полутора метрах от полуразвалившейся кирпичной стены с ржавой решеткой. Складывалось впечатление, что она словно бы споткнулась, упала, пыталась приподняться, цепляясь за кирпичи, а затем рухнула в траву. До окончательного решения по делу труп как-либо перемещать или переворачивать на спину было нельзя. Поэтому Колосову пришлось действовать очень осторожно, чуть ли не по-пластунски ползая вокруг. Лицо, шея, грудной отдел, спина, бедра, ноги, живот погибшей действительно повреждений не имели. На руках были незначительные

ссадины. По всем признакам Сорокина умерла ночью – однако точное время ее гибели могла определить лишь экспертиза.

Все обстоятельства вроде бы указывали на скоропостижную смерть, но начальника отдела убийств поразило лицо женщины, когда, нагнувшись, он заглянул в него. Его искажала дикая гримаса боли и ужаса. Последние мгновения жизни этой несчастной явно были страшными. И потом...

«На самом теле повреждений не видно. Но на траве рядом, на тропинке в двенадцати шагах от тела – мы измеряли, – там следы рвоты. Нина сразу же обратила на них мое внимание. Она врач, она мне сказала, что это может быть... Никита, ты сам поговори с ней обязательно», – это были Катины слова. Она выпалила эту фразу, едва лишь Колосов, выйдя из машины, успел с ней поздороваться.

Обильные следы рвотных извержений на месте обнаружения трупа и на тропе, ведущей от речки к церкви, действительно имелись. Какие-то подозрительные пятна пачкали и подол сарафана Сорокиной. Колосов начал метр за метром осматривать всю прилегающую местность. На тропе, что вилась по берегу реки, на влажной земле в одном месте ясно отпечатались следы. Колосов попросил криминалиста их сфотографировать: вдавленные отпечатки женских босоножек 36 – 37-го размера, имевших особую примету – косую трещину на левом каблуке.

Он вернулся к трупу. На Сорокиной и были босоножки

– старые, некогда модные. Хорошей коричневой кожи, но сильно поношенные. Левый толстый каблук действительно треснул. И в этой трещине что-то застряло. Колосов колупнул это «что-то». Щепка, измазанная землей. Свежий скол. Такими щепками-лучинками обычно раскочегаривают шашлычницы. Он огляделся кругом – трава, битый кирпич, прочий мусор, влажная земля. И никаких щепок.

– Что об этих следах скажешь? – спросил он криминалиста. – Ну что? Ее собственные, по всей видимости. Иных тут больше не зафиксировано. Она бежала...

– Бежала, говоришь? – Колосов потрогал след: да, похоже, так и есть. Очень глубокий, вдавленный, контур его нечеткий. Женщина пробежала по тропе вдоль реки, свернула к церкви, и тут с ней что-то случилось, что заставило ее буквально вывернуться наизнанку, а затем испустить дух.

– Никита, – кто-то робко тронул его за плечо.

Катя. Бог ты мой, снова она! А с ней рядом ее дачная приятельница – какой-то черноволосый, черноглазый гаврош в положении. Колосов раздраженно хмыкнул: только беременных женщин тут еще не хватало!

– Ступайте домой. – Он неловко, стараясь соблюсти вежливый ритуал знакомства, кивнул Катиной приятельнице, которая вроде и хотела ему что-то сказать и не решалась. – Я тут все закончу и подойду. Поговорим. У вас дача какой номер?

Спрашивать Никиту о причинах, заставивших его сроч-

но бросить вдруг все дела и лично выехать на это происшествие в Май-Гору, Катя не решилась. Колосов махнул рукой: потом, мол, после. И в следующую минуту уже беседовал с участковым.

– Вызывайте следователя прокуратуры, – донеслось до Кати. – Кто дежурит у них сегодня по району? Кто? Семенова? Женщина? Не пойдет. Попросите, чтобы выехал Караулов. Да, да, этот молодой. Ничего, молодым везде у нас дорога. Шучу. Передайте мою личную ему просьбу, пусть меняется суточными с дамой и выезжает. Он мне тут нужен.

Участковый, получив такой категорический приказ, лишь плечами пожал: это же надо, какую бодягу начальство из главка здесь затевает! Делать, что ли, этому управленческому нечего? Ну, померла местная дурочка, царствие ей небесное, – пиши протокол, вызывай труповозку, вези в морг, хорони. Чего канитель-то какую-то непонятную заводить? Отрядив на поиски Сорокина уже не соседей-доброхотов, а патрульного милиционера, участковый с явным неодобрением следил за действиями «начальства из главка».

Через час с небольшим на место прибыл прокурорский следователь Караулов. На взгляд участкового, сущий несмышленный мальчишка. Однако «начальство из главка» встретило его вполне дружелюбно. Осмотр места они продолжали уже втроем, о чем-то тихо совещаясь. Затем Колосов по рации связался с дежурной частью Старо-Павловского отдела, срочно требовал патологоанатома. Того, как бы

ло уже сказано выше, не нашли – он уехал на семинар в Москву. Тогда было решено везти тело Сорокиной в морг. Участковый слышал обрывки телефонного разговора, который вел по мобильному начальник отдела убийств с начальником местного ОВД: «Экспертиза, я думаю, выявит... Желательно провести незамедлительно... Будем ждать результата. Да, весьма и весьма необычный случай... Есть признаки, указывающие на...»

Раздался визг тормозов резко остановившейся машины – вишневых «Жигулей»-«девятки». Участковый махнул патрульному, дежурившему на шоссе: гони всех к черту, только любопытных автомобилистов тут не хватало! Но в следующую минуту он узнал в стремительно выскочившем из машины парне брата Сорокиной, Константина.

– Лейтенант, что случилось? – крикнул тот. – Мне соседи передали, что-то с Лерой? Что? Где она? Ей плохо? Да что с ней?!

Что до начальника отдела убийств, то он вообще бы предпочел не встречаться с братом погибшей до того, как ознакомится с результатами медицинского заключения с ответом на тот вопрос, который был для него сейчас самым важным: по какой причине умерла Валерия Сорокина? У Колосова после осмотра места имелись, как ему казалось, веские причины не торопиться с допросами. Однако избежать объяснения с потерпевшим, а именно в такой роли теперь и выступ-

пал брат погибшей, ему все же в тот день не удалось.

Колосов обосновался в местном опорном пункте. Это была ветхая сторожка, прилепившаяся боком к дачной продуктовой лавке.

В комнатухе имелись два письменных стола, стоявшие почти вплоты, три клеенчатых стула, ободранный сейф да зарешеченное оконце. Имелся, к счастью, здесь и телефон: будка у входа, на удивление вполне исправная. Колосов дозванивался в экспертно-криминалистическое управление на Варшавском шоссе – следователь Караулов просил «пробить побыстрее» исполнение его постановления о судебно-химической экспертизе, которую надо было, как они считали, провести немедленно после вскрытия тела Сорокиной. Для такой спешки имелись причины.

И тут в опорный пункт не вошел, а буквально ворвался Константин Сорокин.

– Что произошло? Что с моей сестрой? Почему мне никто ничего не хочет объяснить? – крикнул он гневно прямо с порога. – Все, кого ни спрошу, отсылают к вам! По какому праву вы всем тут распоряжаетесь? Кто вы, собственно, такой?

Следом за Сорокиным в комнату заглянул крепкого сложения мужчина лет тридцати с небольшим, в синей толстовке и джинсах.

– Костя, успокойся. Извините его. – Он попытался утихомирить Сорокина, который, казалось, в ярости вот-вот грохнет кулаком по столу.

– Меня даже не подпустили к телу сестры!

– Шел осмотр места происшествия. Порядок есть порядок, поймите нас правильно. – Колосов, поднявшись, говорил тихо и вежливо. В голосе его слышалось вроде бы искреннее сочувствие. – Я Колосов Никита Михайлович, сотрудник Управления внутренних дел, майор милиции. (Он намеренно пока не называл своей должности.) В мое дежурство произошло несчастье с вашей сестрой, так что... Словом, я готов ответить на все ваши вопросы. Но и мне тоже разрешите задать... Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста.

Речь его подействовала на Сорокина. Он сел на ближайший ветхий стул. Его спутник (Колосов, пока говорил, чувствовал на себе его одобрителный взгляд: так и надо держать себя с этим психом, сейчас, сейчас он утихомирится!) смущенно улыбнулся и повернулся к двери.

– Ну вот, все нормально. По-тихому-то оно лучше, чем криком. Ты, Костя, только не ори, ради бога, а то тебя прямо на улице слышно. А майор вон при исполнении. Ну, я вам не нужен? Тогда я пошел, у меня вон машина открыта... Да, извините, не представился. Александр Кузнецов я.

– Это друг мой, – буркнул Сорокин. – Сашка, передай нашим: я здесь долго не задержусь. С похоронами ведь надо что-то решать... Черт! По субботам похоронные агенты выходные, не знаешь?

Колосов поймал взгляд Кузнецова. Они поняли друг дру-

га, и это Колосову понравилось.

– Договоримся, не волнуйся. Все сделаем. – Кузнецов мягко потрепал приятеля по плечу. – И держи себя в руках. Я могу идти, Никита Михайлович?

Колосов кивнул. «Тебя, собственно, сюда никто и не приглашал», – подумал он. Однако невольно вздохнул: общаться с этим парнем все же куда как легче, чем с таким горлопаном и неврастеником, как этот брат потерпевшей.

– Что с Лерой? – спросил Сорокин, когда за его приятелем захлопнулась дверь.

– Ваша сестра мертва.

– Но... что случилось? Почему? Кто ее нашел там? Почему она вообще там оказалась? Мне сказали – у церкви... Это же черт знает где от нашего дома... Ночью... Что врач сказал?

– Ваша сестра, насколько я понял, была серьезно больна? – вопросом ответила Колосов на его град вопросов.

– Это не та болезнь, от которой умирают. По сто лет живут с таким диагнозом! – Сорокин снова начинал злиться. И это было странно. Конечно, такая раздражительность могла оказаться весьма причудливой реакцией на трагическое известие, однако...

– Она ведь и в больнице лечилась, наверное? Какой диагноз ей поставили?

– Да не прикидывайтесь вы! Наивным-то только не прикидывайтесь и меня за дурака круглого тут не держите! –

снова взорвался Сорокин. – Что я, не знаю, что ли, что вам наплели про нее уже? Все в поселке это знали. Полоумной Лерку и в глаза, и за глаза называли!

– Я не живу в вашем поселке. И слухи не собираю, – отрезал Колосов и тут же добавил мягче: – Да, участковый мне сообщил, что ваша сестра – психически больная вроде бы. Мы столкнулись со случаем скоропостижной смерти. Одно бы дело, старик какой древний умер, старуха на печке, а то женщина молодая, в расцвете лет, так сказать. Что же удивительного в том, что я и осматривавший тело вашей сестры эксперт хотели бы узнать точный диагноз недуга, которым она страдала?

– *Libido insatiata*.

– Что это такое?

– В словарь загляните медицинских терминов. – Лицо Сорокина перекосила гримаса.

Колосов помолчал секунду. Так, ладно. Тут пути для нас пока закрыты. Пойдем иной дорожкой. Но он не мог отделаться от настойчивой мысли – беседа с Сорокиным преждевременна. Сначала надо ознакомиться с выводами эксперта, чтобы их с Карауловым подозрения, возникшие при осмотре, либо рассеялись, либо подтвердились.

– Как ваша сестра в последнее время себя чувствовала – хуже, лучше? – спросил он спокойно.

– Утром вроде ничего, сносно, а вечером... – Сорокин махнул рукой. – Меня соседи в гости пригласили, точнее,

нас, я ее старался одну дома не оставлять. Вон к тетке Саши Кузнецова пошли. Ну, друзья там из Москвы приехали, посидели, как водится, чайку попили. А с Леркой вдруг – бабах – припадок! Я чуть со стыда там не сгорел!

Последняя фраза резанула слух Колосова. Впоследствии, после беседы с Катей, он узнал, что «брат Леры» излагал ему ход событий того вечера не точно. Однако пока пришлось удовольствоваться этим.

– Вы вызвали врача? – спросил он.

– Нет. Ей полегчало. А потом... Да пока «Скорая» доберется к нам, три раза сдохнуть успеешь! Да и «Скорая»-то ей не была нужна, это же ее обычное состояние, а не инсульт, не сердечный приступ.

Колосов не стал спрашивать: «А какой же это был приступ?» Спросил другое:

– И что же случилось потом, когда вашей сестре стало лучше?

– Да ничего. Мы с Александрой и Юлией Павловной отвели ее домой. Это соседки наши, – пояснил Сорокин торопливо. – У них мы и были. Александра Модестовна Чебукиани, муж ее покойный был художник известный, может, слышали?

– А второй вашей знакомой как фамилия?

– Хованская. Она у Александры Модестовны гостит с племянником...

– С этим вашим приятелем Кузнецовым?

– Нет, Сашка родственник Чебукиани, а у Юлии мальчишка. Впрочем, спросите у нее сами, если вам надо!

– Вы отвели сестру домой и?..

– И ничего. Соседи домой ушли. Я посидел немного на террасе, дождался, когда Лерка заснет. Я ее чуть не силой спать уложил, когда она в таком состоянии – у нее сильнейшая бессонница. Потом и сам спать пошел.

– Вы какое-нибудь лекарство сестре давали? Успокоительное, снотворное? Вообще она принимала какие-нибудь лекарства?

– Тиоридазин. Не регулярно. Когда я заставлял с барабанным боем.

– Вчера она его принимала?

– Нет. Она упрямая как ослица. Как упрется, то...

– Когда вы обнаружили, что сестры нет дома?

– Я до десяти проспал. Меня Юлия Павловна разбудила. Ей соседи сообщили, что с Лерой несчастье. Она сразу ко мне, а я...

– Вы так крепко спали, что не слышали, как она ушла из дома?

– Да. Я крепко сплю.

– А сестра ваша и прежде уходила?

– Я за ней старался смотреть, следить. Меня врач ее насчет этого особо предупреждал. Порой она, правда, из-под контроля выходила. Ну и тогда случалось.

– Что?

– В Москве несколько раз из дома пропадала. И в детстве были такие случаи. Один раз даже с милицией ее искал. Ваш коллега, вертухай один, мне, кстати, заявил, – Сорокин усмехнулся недобро: – «Что же вы от нас хотите, она же у вас форменная шизофреничка».

– И давно вы таким вот трогательным образом заботитесь о сестре? – Колосов задал вопрос так, что это его змеиное «заботитесь» прозвучало как можно двусмысленнее.

– Как мама умерла. Точнее, как мы одни остались.

– Лера лежала в клинике?

– Каждый год почти. Иногда месяц, иногда два. Когда ремиссия наступала, ее выписывали. Кого сейчас в психушке-то дольше держат? Подлечат кое-как и – пинок под зад.

– Вы очень любили сестру? – спросил Колосов. Душеспасительную беседу с этим парнем пора было кончать. «Ничего, братец, когда будет результат судебно-медицинской экспертизы, наше с тобой общение возобновится. Дай срок», – думал он почти враждебно.

– А почему вы спрашиваете таким тоном? Вы что, вините меня в ее смерти? Что я недоглядел, не оказал вовремя помощи? Да я и так все эти годы как... как сторож за ней... как каторжник на цепи... Кто-нибудь вообще подумал, что я пережил с ней, с такой вот?!

– Извините, Константин, извините бога ради. Я не хотел вас обидеть. Никто вас ни в чем не винит, что вы... Все мы понимаем, как вам пришлось нелегко... – Колосов был снова

само сочувствие. – Как только будет произведено вскрытие и мы ознакомимся с его результатом, вы сможете забрать тело из морга. И... примите, пожалуйста, мои самые искренние соболезнования.

Сорокин встал. Колосову показалось, что он сильно побледнел.

– Вскрытие? Зачем?

– Уж такой порядок. – Колосов развел руками. – Закон есть закон. Как смогу в случае необходимости с вами связаться?

– Я живу здесь, на даче. Московский телефон запишите, но вы вряд ли по нему меня застанете.

– Тогда рабочий?

– Я временно не работаю, – сухо отрезал Сорокин.

Колосов видел в окно, как он, покинув сторожку, сел в вишневую «девятку», подрулившую к самым окнам. За рулем ее сидел Кузнецов. А на заднем сиденье еще один пассажир. Но из окна было невозможно рассмотреть его. Когда за «дальнейшими инструкциями» в опорный пункт заглянул участковый, Колосов спросил его: знает ли он сидящего в машине? Участковый ответил, что видел обоих. «Но тот, что вас интересует, – явно не местный, не дачник, но в гости часто к кому-то наезжает, вроде бы на дачу художника Чебукиани, вдова его там сейчас обретается с подругой. Лицо-то мужика вроде знакомое, а вот где видел, не припомню. У вдовы-то той вообще разного народа много бывает. И когда муж

жив был, и сейчас... А кто это – не знаю, врать не буду. Мимо машины шел – видел, он вроде там пьяный у них. Этот, что за рулем-то, вокруг него, как голубь сизый, вьется».

К трем часам дня Колосов вернулся в Старо-Павловский отдел. Известие об обнаружении трупа женщины в поселке Май-Гора было воспринято там без какого-либо ажиотажа. Начальник ОВД вообще делал вид, что не понимает, чем занимается представитель главка на месте «самой обычной скоропостижной смерти». Для чего столь активно «гонит волну», вытаскивая в район и следователя прокуратуры, и «булгача» (именно это причудливое выражение было раздраженно употреблено) – патологоанатома, у которого и так «материала для исследования» – то есть трупов – выше крыши.

Колосову пришлось преодолеть и непонимание, и безразличие, и – что греха таить – ослиное упрямство. Но вот мало-помалу к делу стали подключаться и в Старо-Павловском ОВД. Ритм работы набирал обороты. Патологоанатом, наконец-то вернувшийся в город со столичного семинара, по настоятельной просьбе следователя прокуратуры вечером этого же дня приступил к вскрытию тела Сорокиной. Часть исследуемых материалов тут же была отправлена Колосовым вместе с нарочным в ЭКУ на судебно-химическое исследование.

В итоге в главк Колосов приехал из Старо-Павловска только в девятом часу вечера. А потом у себя в кабинете по-

чти до начала одиннадцатого еще ждал известий о предварительных результатах экспертизы.

В ЭКУ на Варшавском шоссе работала целая группа дежурных экспертов-химиков. И они должны были либо подтвердить, либо опровергнуть то, что...

Телефонный звонок прогнал сонную ночную тишину кабинета, освещенного лишь настольной лампой. Звонила эксперт-криминалист:

– Этилмеркурхлорид, Никита Михайлович. В образцах, представленных нам на исследование (а как знал Колосов, это были части внутренних органов потерпевшей), нами обнаружены следы именно этого вещества. Это препарат, производимый на основе сулемы. Сильнейший промышленный яд. Вы меня слушаете? Сейчас уже можно сказать совершенно точно: причина смерти Валерии Сорокиной – отравление сулемой. Все признаки указывают именно на это.

Глава 8

ЯД

– Отдохнули... – У Нины, сидевшей на скамейке в тени липы, был вид пассажира поезда, опаздывающего на несколько суток. – Со мной всегда так. Вечно я в истории попадаю.

– Это я попадаю в истории. У меня профессия такая бедовая. – Катя сосредоточенно наблюдала за тем, как «мохнатый шмель – на душистый хмель». Роль хмеля из песни, правда, играл дурно пахнувший чахлый выюнок, душивший молодые побеги пионового куста, росшего у крыльца.

– Бедная Лерка... Как мы все вчера на нее дружно окрысились. А ведь у больных так бывает – ужасная тоска вот здесь. – Нина прижала ладонь к груди. – Давит, давит, как камень. И полное одиночество, полная безысходность. Мир, в котором они живут, Катя, так ужасен! Населен чудовищами из кошмаров. Они слышат их голоса, они видят то, что их смертельно пугает. Им так хочется рассказать кому-то о своих страхах. Они ищут защиты. Наверное, Лера что-то уже предчувствовала. Прибежала ведь к нам так, словно за ней кто-то по пятам гнался. А мы ее... Это я, наверное, виновата. Надо было обязательно настоять, чтобы ей вызвали врача.

– Слушай, а по-твоему, отчего же она все-таки умерла? –

Катя спросила это так, что Нина смерила ее внимательным взглядом.

– Тот парень из милиции, он что, твой знакомый? – спросила она.

– Никита Колосов. Мы работаем в одном управлении, но в разных отделах. Он – начальник отдела по раскрытию умышленных убийств.

Нина, по-мальчишески присвистнув, откинулась на спинку скамейки. Катя видела: подруге ее объяснять ничего больше не нужно. Нина поняла, что Катя имеет в виду.

– Мы с тобой первые обнаружили тело, хоть нас потом оттуда и вытурили взащей, но все же мы его первые и осмотрели. Ты мне, правда, трогать что-либо там запрещала, и это правильно... Судя по тому, в каком виде мы ее нашли, смерть наступила около пяти-шести часов до этого. – Нина нахмурилась. – Значит, умерла она где-то между половиной третьего и половиной четвертого утра. А если учесть, что первые признаки при некоторых острых токсикозах проявляются...

Катя насторожилась. Нина наконец-то облекла в слова то, на что лишь пыталась намекнуть на месте происшествия, обращая внимание Кати и на вид тела Сорокиной, и на следы рвоты на ее одежде и на земле.

– Твоим коллегам предстоит решить, с чем они столкнулись: с пищевым ли токсикозом или это что-то иное. – Нина снова искоса глянула на приятельницу. – В случае, если под-

твердятся подозрения на токсикоз, они проведут гистологическое исследование. И если это так называемое резорбтивное вещество, то есть то, которое вызывает отравление организма после непосредственного всасывания, то... – Нина на секунду запнулась, – то, рассчитав период всасывания организмом этого вещества, они установят и примерное время отравления с точностью до нескольких минут, когда недоброкачественный продукт попал к ней в желудок.

– Недоброкачественный продукт? – Катя снова насторожилась. – А что же это может быть, по-твоему?

– Иногда тяжелые пищевые отравления дает рыба. Могли быть это и грибы, и какие-то растения, консервы, лекарства, наконец. Лера ведь была на этот счет человеком ненадежным. Не хочу сказать, что такие больные все что ни попадя тащат к себе в рот, как дети, но... Вот мы с тобой не будем рвать в лесу поганки и пробовать их на вкус. А такие, как Лера, с ущербной психикой, вполне на это способны. За ними нужен постоянный присмотр, иначе...

– Нин, а вот этот самый период всасывания... Он сколько может длиться?

– По-разному для разных веществ токсического действия.

– Ядов, что ли?

– Ну да, ядов. Смотря что это за вещество, какое именно количество его попало в организм. Признаки отравления могут появиться и через несколько минут, и через несколько часов. Возможно, Лера, придя к Александре Модестовне,

уже чувствовала себя плохо. Общее ухудшение состояния и спровоцировало припадок. Потом могло наступить временное улучшение. А под утро снова начался повторный приступ. Хотя тут я могу ошибаться, я не специалист в этой области и точно не знаю, возможна ли при отравлениях такая картина с временной ремиссией.

– А как же Сорокина оказалась так далеко от дома? Среди ночи бежать через весь поселок к церкви... Нин, а тебе не кажется, что она бежала именно к церкви, только не успела туда добраться?

– Пытаешься обнаружить логику в ее поступках?

– Нет, я все понимаю... Но даже у психически больной должна быть какая-то причина, чтобы выскочить из постели и бежать в храм.

– Мы нашли ее возле ограды, она не входила на церковный двор. С таким же успехом она могла бежать мимо церкви к Май-горе.

– Но зачем?

– Двигательное возбуждение, сопровождаемое бредом и спровоцированное токсикозом. И вообще, мало ли что могло ей привидеться?

Катя кивнула: так-то оно, конечно, так.

– Ей и за столом ведь тоже что-то почудилось, – продолжала Нина. – Когда началась истерика, то первый признак припадка был – типичнейшая зрительная галлюцинация, сопровождаемая двигательноречевым возбуждением. Пони-

маешь, она вроде бы к Смирнову обращалась, и тем не менее было заметно, что имела она в виду вроде бы и не его, а кого-то другого.

– Да, она все твердила: он, он... – Катя силилась вспомнить весь «инцидент». – Указывала пальцем на Смирнова, но взгляд у нее при этом был какой-то странный. Словно то, что испугало ее, пряталось в углу террасы или за буфетом.

– Типичнейшая галлюцинация.

– Кого же она имела в виду, если не Смирнова? Может, брата? – Катя вспомнила, как Сорокин наотмашь ударил сестру. Теперь, когда Лера была мертва, Катя испытывала мучительный стыд от того, что стала свидетелем той возмутительной сцены и не вмешалась. Ведь, возможно, Сорокина уже одной ногой стояла в могиле, а они... – Она ведь явно провоцировала брата. Все кричала: ударь меня, что он, кстати, и сделал. Он и прежде с ней, видно, не церемонился.

– Зря ты так. Начнем с того, что в подобной ситуации и святой бы не сдержался. – Нина покачала головой. – А потом ты Костю совсем не знаешь. Даже и вспоминать-то не желаешь, а это явный признак, что он тебе чем-то сразу не понравился. А Костя... Сколько я его помню, он всегда был добрым парнем. Только у него вспыльчивый, взрывной характер. Но причины, чтобы вот так взрываться, у него имелись.

– Какие же это причины? Нин, вообще, а расскажи мне про Сорокиных. Что это за семья была? Ведь ты их давно знаешь.

– Ну, что за семья... Хорошая, московская. Про их отца, правда, ничего не знаю; когда они сюда приехали, он уже с ними не жил. Дачу эту, как и нашу, строил еще дед Сорокиных. Я и его не помню, умер он, когда я еще под стол пешком ходила. Был, судя по Костькиным рассказам, военным, и весьма высокопоставленным, воевал. Мама Кости преподавала на филфаке МГУ. Где-то в начале семидесятых вышла вторично замуж. Отчима я хорошо помню. Дипломат, весь из себя такой... Они, между прочим, первые годы жили за границей – отчим в посольстве в Тегеране работал. Лерка с Костей там при посольстве в школу ходили. Но каждое лето вместе с матерью приезжали домой, в Союз, и жили все каникулы на даче. В перемене климата нуждались, там же жарыща адская... Когда Костька учился в седьмом классе, мама их умерла. Вроде рак. Но как и что – он мне никогда не говорил. Они остались с отчимом, он же их усыновил. После школы Костька поступил в МГИМО – сама понимаешь, кто ему помог. Но ты вообще не думай, что он все по блату, он чертовски умный, одаренный парень. А к языкам у него вообще талант. Английский, арабский, иврит – это только его базовые языки, с которыми он работал. А хобби у него знаешь какое еще с института? Древние восточные языки: сирийский, арамейский, коптский. Он такие книги читает! Нам и во сне не снились. Его конек – раннехристианские тексты, апокрифы.

– У него? – Катя ушам своим не верила. Вот тебе, доро-

гуша, ярчайший пример того, что твое первое впечатление о человеке, да и второе, обманчиво.

– Когда же это он успел столько языков выучить? – спросила она. – Он же ненамного нас старше. И сестра еще инвалид была на нем. Нин, а между прочим, в прошлый раз ты мне ничего такого про этого полиглота не рассказывала.

Нина молча созерцала заросшую сорняками лужайку.

– У вас что-то было с ним? – тихонько спросила Катя.

– Не то чтобы было... Так, дачная история с продолжением. Я в него целый год была влюблена. Ну, дети совсем – мне семнадцать, ему двадцать с хвостом. Я тогда у Спесивцева в театре раз пять за сезон «Ромео и Джульетту» смотрела, все грезила о... Знаешь, там Ромео-студентик в залатанных джинсах по сцене прыгал с шарфиком спартаковским на шее. Помнишь, наверное, и ты тот шарфик?

Катя кивнула, улыбнулась: а как же.

– А он что же, Сорокин? – спросила она.

– Он учился на втором курсе. Примерный был ученик. Все время на занятиях, на лекциях, дополнительных факультативах. А потом, знаешь как это у мальчишек? В первый раз сладко, а потом... Он был красивый мальчик. Он и сейчас недурен. Не находишь?

– Нет, Нина.

– Я и заметила, что Костька тебе сразу не понравился.

– А что, ты говорила, у них с отчимом произошло? Он же фактически отцом их был, вырастил их.

– Не знаю. Где-то на последнем курсе, перед самым дипломом, – сама я этого не видела, отец мне рассказывал. Костька приехал сюда, на дачу, на грузовом такси и выбросил из дома все вещи отчима. Прямо как в черной комедии – все, что годами было приобретено, все погрузил на такси и увез. Дача эта ведь им с Лерой принадлежит пополам, там какое-то завещание есть, от деда их еще осталось. Отчим прав никаких на дом не имел, думаю, и не претендовал на эту развалюху.

– Что же это, он выгнал приемного отца? За что?

– Я не знаю, Катя. В то время мы с Костькой уже близко не общались. Все прошло, понимаешь? Виделись всего раза два за лето. Но больше с тех самых пор его отчим на дачу не приезжал. Никогда.

– Может быть, он вторично хотел жениться? А ребята против были?

– Возможно. Но Костя даже имени его с тех пор не упоминает. А ведь сначала они хорошо жили, дружно. Костька другого отца и не знал никогда. Отчим был очень представительный мужчина. Такой всегда сдержанный, обходительный, голоса никогда не повышал. Ну, дипломат! Они знаешь как вышколены. Сейчас, наверное, на пенсии, пожилой уже.

– А что же было все эти годы с Лерой?

– С ней? Я же тебе говорила: Костька ее не бросал. Поэтому после распределения у него и поездки на стажировку в загранку накрылись, и вообще. Но он терпел. И это был

тяжкий крест, Катя.

– Ну, положим, теперь он свободен. У Сорокина после смерти сестры начнется новая жизнь.

– Не иронизируй, пожалуйста.

– Я не иронизирую. Просто все это как-то странно.

– Что странно?

Катя молчала. Нина, помедлив, спросила:

– Этот твой коллега Колосов, начальник отдела убийств... почему именно он сегодня приехал осматривать тело Леры?

– Это и я бы хотела узнать.

– Он нам пообещал, что зайдет, отчего же не зашел? Ведь мы с тобой вроде как свидетели?

– И это тоже я бы хотела знать, Нина. Одно могу тебе сказать: Никита такой уж человек. Словом, для того чтобы он выехал на подобный труп лично, должны быть веские причины.

– Не понимаю.

– У него, вероятно, возникли сомнения в том, что это скоропостижная смерть. Причем почти сразу же.

– Но в таком случае он в первую очередь должен был поговорить с нами. Ведь мы видели Леру живой и... Он должен был зайти!

– Он придет, Нина. Сейчас он просто занят. Там что-то не так, понимаешь? Со смертью Сорокиной что-то не так.

– В тебе сейчас говорит профессиональная жилка. И в отпуске криминального обозревателя не отпускают мысли о

сенсации.

– Я плохой репортер, Нина. – Катя вздохнула. – С некоторых пор мне это ясно как день. Меня перестали интересовать факты. Меня интересуют причины, по которым то или иное событие могло случиться. А как только начинаешь копаться в них, увязаешь так, что теряешь главное качество репортера – оперативность.

Нина обняла подругу за плечи:

– Ладно тебе приbedняться. Я ж говорю – отдохнули мы с тобой в тишине на лоне природы... Влипли, короче. Но... когда этот твой детектив из угрозыска явится, как думаешь?

– Насколько я его изучила, завтра к вечеру. Как только с обстоятельством смерти Сорокиной что-то прояснится.

– Тогда пойду мариновать на завтра мясо в уксусе с луком. Надо же чем-то будет его угостить. Он женат, нет? Впрочем, можешь не отвечать... А он ничего, симпатичный. Только немного угрюмый.

Катя посмотрела вслед подруге, которая неторопливой, тяжелой поступью шла к дому. С Ниной всегда было легко. Она все понимала с полуслова, была настоящим другом. На нее в случае чего можно смело положиться.

Все утро следующего дня Колосов провел в экспертном управлении на Варшавском шоссе, детально знакомясь с заключением химической экспертизы. И в это же самое время сотрудники отдела по раскрытию убийств по заданию своего

начальника занимались детальным сбором информации на семью Сорокиных. Колосов ждал подробных рапортов своих коллег со всеми данными на покойную, ее брата и всех их дальних и близких родственников. Он чувствовал: для повторного и уже гораздо более предметного разговора с «безутешным братцем» ему потребуется вся их семейная родословная.

В глубине души он уже готовился к тому, что дело это окажется весьма тягомотным и трудоемким, требующим максимума терпения и профессионального прилежания. Ведь, как известно из практики, ни одно умышленное убийство не раскрывается, а главное, не доказывается с таким скрипом, как отравление.

Учитывая же ко всему еще и психическое состояние Сорокиной, даже сама квалификация происшедшего пока еще была под вопросом. Версий, помимо умышленного убийства, его дотошные коллеги накидали на оперативке недостаточно. Потерпевшая была психически больной. А от таких людей можно ожидать чего угодно даже в избрании способа ухода из жизни.

Колосов сидел в химической лаборатории ЭКУ с экспертом-криминалистом Свиридовой – и только-только закончил читать заключение.

– Анна Станиславовна, этот самый этилмеркурхлорид, который вами обнаружен в теле Сорокиной, что это за дрянь? – спросил он.

– Другое его название «гранозан».

– Пестицид, что ли?

– Не совсем. Ядохимикат, скажем так. Применяется в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями и протравки семян. Представляет собой высокотоксичное соединение. Чаще всего это раствор. По действию своему характеризуется как резорбтивный деструктивный яд.

– Деструктивный? А что это значит?

– Разрушает органическую структуру на уровне клетки. Внешние признаки отравления проявляются постепенно. Обычно после попадания яда в организм проходит некоторое время, прежде чем состояние резко ухудшается. Это яд замедленного действия, так сказать, если вообще к этому препарату уместно приклеить такой расхожий ярлык, как «яд». Период всасывания вещества организмом колеблется в пределах семи-восьми часов. Смерть Сорокиной наступила около четырех часов утра. Значит, дозу она могла получить...

– Часов этак около восьми вечера, в начале девятого, да?

– Время ужина как раз. – Колосов хмыкнул. – А на вкус, на цвет эта дрянь как?

– Безвкусной ее назвать нельзя. Но потерпевшая могла получить ядохимикат растворенным в жидкости. Крепкий чай, кофе, сок – все способствовало бы тому, чтобы заглушить специфический привкус. И потом, из материалов, представленных вам, ясно, что она страдала душевным заболеванием.

ем. У таких людей может наблюдаться смещение вкусовых ощущений. Наконец, она могла получить яд под видом лекарства – опять же в растворе.

– Гранозан не имеет ограничений при продаже? Его можно свободно приобрести?

– Как и всякий препарат сельскохозяйственного назначения. Карбофос, теофос... Сейчас, Никита Михайлович, извините, черта лысого можно купить, не только бутылку какого-то там ядохимиката. Бутылочку ищите. Она непременно где-то быть должна.

– Значит, будем искать. А скажите, сама Сорокина как-нибудь по ошибке могла его принять за...

– За газированную воду и выпить? – Свиридова устало улыбнулась. Бессонная ночь в этой лаборатории давала себя знать, хотя среди коллег и слыла она великим трудоголиком и «дамой со стальными нервами». – Что ж, и это версия, раз вам так не хочется, Никита Михайлович, чтобы это было убийство... – Она сделала жест: понимаю, мол, все понимаю. – В моей практике случались такие вот «ошибочки»: то старушка вместо соли сослепу «посолила» суп селитрой и на тот свет отправила своего старика и невестку. То пьяница вместо водки обычной угостил собутыльников водочкой «царской» – то есть соляной кислотой. Словом, чего только сейчас не бывает... От людей, страдающих психическими расстройствами, на замок надо запираť дома не только бытовую химию, но и даже ножницы маникюрные и шнурки.

Колосов попросил отксерить для него копию заключения экспертизы. Как только он вернулся с Варшавки в главк, то на телефоне его уже «висел» старший поисковой группы с докладом о том, что удалось накопать на семью Сорокиных. Первичная информация была скупой: адрес, год рождения брата и сестры, место учебы Сорокина – от школы до института, место его работы...

– Подожди, повтори, где он работал? – Колосов придвинул к себе блокнот, куда записывал ту информацию, которая его интересовала прежде всего.

– Банк «Российский Трудовой Альянс». Отдел внешнеэкономических связей. Должность – менеджер-консультант. Теплое местечко было, а? – Старший поисковой группы Сергей Жуков двусмысленно хмыкнул в трубку. – И зарплата была как у министра, наверное. Но рай сей лопнул. Сразу же после 17 августа банк приказал долго жить. Полное банкротство. Полгода они еще как-то там трепыхались, а сейчас дела совсем плохи. С апреля почти все сотрудники – в неоплачиваемом отпуске. И Сорокин в их числе. А председатель сего обанкротившегося финансового предприятия, некто господин Корнилов, сейчас за границей. А в Москве на него дело заведено уголовное – я в прокуратуре справлялся – нарушение финансового законодательства, злоупотребление служебным положением и т. д. Они вроде бы друзья детства с Сорокиным. Корнилов его и взял к себе в девяносто четвертом году, когда банк только организовывался, пригрел под

крылом, так сказать. Ну а сейчас – финита. Каждый сам за себя. А насчет их близких родственников, как ты просил, так я узнал вот что...

Колосов слушал коллегу. Снова придвинул к себе свой блокнот.

– Понял. Спасибо, – сказал он, дослушав до конца «отчет о проделанной работе». – Сделаем так. Бери машину, езжай срочно к этому гражданину Белоконю Виктору Сергеевичу, отчиму его. Выписывай повестку ему на завтра в прокуратуру Старо-Павловска к следователю Караулову. А сегодня вези его ко мне на Никитский и...

– Не получится, Никит. Я справки уже навел и об отчине их. Они с Сорокиным последние несколько лет врозь живут. Разменяли квартиру, что еще от матери осталась. Да и сам Белоконь не дома сейчас.

– Так езжай к нему на работу на Смоленскую. Я сейчас с Управлением охраны правительственных зданий свяжусь, попрошу, чтобы они пропуск вам заказали. Или сотрудники министерства вас там встретят.

– Он в больнице, в госпитале ведомственном, уже несколько месяцев. Лечится после автокатастрофы. Служивцы по телефону сказали – как жив остался – чудо. Машину-то на свалку свезли. Так мне ехать в госпиталь, Никита Михалыч?

– Не надо, я сам болящего навещу. – Колосов кашлянул. – А вообще-то многовато на одну семью инвалидов, тебе не

кажется, а?

Ведомственный госпиталь располагался в Крылатском. Из окна высотного корпуса, носившего весьма туманное название «Третья хирургия», открывался великолепный вид на канал и спортивные сооружения.

Виктора Сергеевича Белоконя Колосов нашел в персональной, просторной и светлой палате с цветным телевизором, в отделении реабилитации аж на двенадцатом этаже. Отчим Сорокина был высокий, смуглый, статный мужчина лет шестидесяти. У него было худое, умное и желчное лицо. Взгляд темных глаз под сросшимися бровями был пронзителен и вместе с тем непроницаем.

Когда Колосов вошел в палату, Белоконь, опираясь на специальную металлическую подставку, заменявшую костыли, неловкими и осторожными шагами медленно продвигался от кровати к окну, затененному легкими жалюзи. От лечащего врача, с которым Колосову пришлось вести сначала настоящую войну, прежде чем тот нехотя разрешил пропустить сотрудника милиции в неурочный для посещения больных час на территорию реабилитационного отделения, Колосов узнал, что Белоконь уже четвертый месяц находится на излечении в госпитале с диагнозом «перелом тазобедренного сустава и обеих ног». Ему лишь недавно сняли гипс. И теперь он начал «заново учиться ходить, как младенец», как сам пошутил в разговоре.

Колосов представился. Белоконь, тяжело опирающийся на свою подставку, для дополнительной страховки прислонился спиной к стене.

– Вы по поводу смерти Леры? Я знаю уже, мне позвонили с работы, – сказал он вполне спокойно. – Меня, однако, удивляет, что к бедной девочке милиция и прокуратура проявляют такой повышенный интерес.

– У нас появились основания для такого интереса, Виктор Сергеевич. – Колосов оглянулся. – Быть может, мы присядем? Вам трудно стоять. А мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Прошу вас. – Белоконь указал на стул у кровати. – Что до меня, мне нужно... – Тут он и произнес с легкой ноткой шутливости в голосе ту фразу про «младенца». И Колосову сразу стало как-то не по себе. Белоконь был человеком умным, более тридцати лет, как было сказано в его характеристике, «безупречно проработавшим на дипломатической службе». Он, безусловно, знал, что именно и каким тоном уместно говорить в той или иной ситуации. И если он счел, что после первых же слов о смерти своей приемной дочери можно вот так шутливо улыбнуться, бравируя, то...

Колосов вспомнил: то же самое неприятное ощущение было у него и при общении с Еленой Львовной Ачкасовой. Метаморфоза чувств. И вот, соприкасаясь с семьей Сорокиных, он словно бы снова сталкивался с этой пока еще непонятной для себя материей.

– Ваша приемная дочь Лера Сорокина умерла от токсикоза. Причиной ее смерти стало отравление. Это выяснила и подтвердила проведенная экспертиза, – сказал он сухо.

– Наркотики? – Белоконь, прищурившись, смотрел в окно, хотя непонятно, что он видел там через решетку жалюзи.

– Нет. А что, она разве была наркоманкой?

– Она была психически больной.

– Я знаю. – Колосов чувствовал, что спокойный, холодный тон давался ему все с большим трудом. – Но мы обнаружили в ее теле следы токсического вещества совсем иного происхождения.

– Значит, она покончила с собой? Что-нибудь выпила, да? Косте следовало бы лучше присматривать за ней. В конце концов, мог нанять платную сиделку. Где это с ней случилось? Дома, на квартире?

– Нет, на даче. В Май-Горе.

– А-а... – Белоконь полочнее перехватил руками подставку. – Когда похороны?

– Я думаю, ваш приемный сын поставит вас в известность об их времени и месте.

– У меня нет сына.

Колосов посмотрел на собеседника. Белоконь по-прежнему не отрывался от окна. Но в смуглом, желчном лице его что-то изменилось.

– Как долго вы прожили с ними? – Колосов знал, что надо не впадать в эмоции, не задавать вопросы этому человеку

таким вот тоном. Но сдерживался уже с трудом. – Кроме вас, ведь у них не было другого отца.

– Это вам Константин сказал?

– Так как долго вы знали семью Сорокиных?

– С их матерью я познакомился в семьдесят пятом году.

Мы зарегистрировали брак.

– Вы оформили усыновление детей?

– Да, сразу же. Мы почти сразу должны были уехать, меня переводили на работу за рубеж. Усыновление было необходимым.

– Я понимаю, формальность...

– Нет, не только. Этого очень хотела Оксана, их мать. Я исполнил ее желание.

– Ваша жена рано умерла?

– Да. Брак наш длился пять лет. Рак. Говорят, климат усугубил. Не следовало менять умеренную полосу на жару.

– И вы взяли детей на воспитание?

– Взял. Точнее, они и так уже находились на моем иждивении.

Последняя фраза говорила о многом. Но вопросы начальника отдела убийств к «приемному отцу» еще не были закончены.

– Когда здоровье вашей приемной дочери начало ухудшаться? – спросил Колосов.

– Когда мы поняли, что у нее не все дома? Лет с тринадцати, по-моему, первые признаки обнаружались. Ну, пере-

ходный возраст... Начались какие-то дикие фокусы, девочка начала уходить из дома. Потом... Ну, я не помню точно. Все в таком духе продолжалось. Пришлось показать ее детскому психиатру.

– С годами болезнь усугубилась?

– Да, с годами такие болезни не проходят. Лера неоднократно лежала в больнице. Поверьте, я делал все, что мог. Но это наследственное. Как я узнал, и бабка Леры тоже страдала душевным заболеванием.

– А с Константином у вас как отношения складывались?

– Неплохо поначалу. Меня всегда радовал этот одаренный и серьезный мальчик. Я старался со своей стороны сделать все, чтобы перед ним открылась самая широкая дорога в жизни.

Белоконь явно имел в виду помощь при поступлении в престижнейший МГИМО.

– Но как же тогда вдруг получилось, что у вас не стало сына? С которым вы прожили столько лет, о котором заботились, которым руководили?

– Так получилось.

Повисла пауза. Затем Белоконь, кашлянув, спросил:

– У вас самого есть дети, молодой человек?

– Пока нет.

– Так вот, те вопросы, которые вы тут мне задаете, и те ответы, которых добиваетесь от меня, сейчас в силу целого ряда причин, например, в силу вашего возраста... короче,

что бы вы ни спросили – все равно они окажутся для вас непонятными.

– Я постараюсь понять, Виктор Сергеевич. Вы только объясните.

Но Белоконь молчал.

– Разрыву вашему ссору предшествовала, скандал? – не унимался Колосов. – Быть может, вы жениться повторно хотели, а ваш приемный сын против был? Или, уж простите, имущество какое не поделили?

– Все возможно. Это что, имеет какое-то отношение к смерти Леры?

– Ваша приемная дочь, Виктор Сергеевич, хотя – я замечаю – вы упорно избегаете называть ее так, умерла от отравления. Понимаете? И у нас есть сомнения в том, что она выпила эту ядовитую дрянь добровольно, просто желая свести счеты с жизнью.

– Вы хотите сказать, что ее мог кто-то отравить?

– Да, это я хочу сказать! Когда вы виделись с Валерией и Константином в последний раз?

– Несколько лет назад.

– Сколько лет?

– Десять или девять.

Колосов запнулся. Срок давности, как говорят в милиции, солидный.

– Константина я, правда, как-то встретил зимой, – продолжил Белоконь. – В консерватории, когда Рената Скотто

давала концерт. Он был с женщиной. Сделал вид, что мы не знакомы.

Колосову хотелось крикнуть: да почему? Черт возьми, что между вами произошло? Но спрашивать, кричать, идти в лобовую атаку было бесполезно. Белоконь был из тех людей, которые сами никогда не повышают ни на кого голоса, но и другим диктуют собственную манеру беседы. Метаморфоза чувств и отношений в этой семье оставалась для Колосова загадкой. Одно было ясно: у Сорокиных что-то произошло примерно лет десять назад. Причем настолько серьезное, что сразу же поломало весь привычный уклад жизни этой семьи.

– Все эти годы вы не помогали вашей приемной дочери материально?

– Она совершеннолетняя.

– Разве вы не оформляли опеку, когда выяснилось, что...

– Нет. Ее опекуном стал Константин.

– А он оказался хорошим и верным братом для Леры – не находите?

«Не таким, как ты отцом, сукин ты сын», – недвусмысленно прозвучало в голосе Колосова.

– Вы только что, молодой человек, сообщили мне, что моя приемная дочь умерла от отравления.

– И что?

– Ничего. Но уж если вы настолько заинтересовались этим делом, если вам мерещатся в нем какие-то профессиональ-

ные перспективы, – Белоконь чуть усмехнулся, – я бы посоветовал вам прояснить этот вопрос детально.

– Какой еще вопрос? – Колосову вдруг вспомнилась старая сказка, где говорилось о том, что не следует доверять мужчине вот с такими густыми, сросшимися над переносицей бровями, похожими на мохнатую черную бабочку. «У таких, – вещала сказка, – дорога одна – в лес по февральскому снегу. Сросшиеся брови – верный знак оборотня».

– Проясните для себя, молодой человек, таким ли уж хорошим братом был Костя, – сказал Белоконь. Колосов заметил, как дрожат его пальцы, вцепившиеся в металлическую ручку подпорки, – то ли от напряжения, то ли от... – Вообще измерьте, если, конечно, сможете, уровень милосердия в этом создании. Думаю, вас ждет немало открытий на этом пути.

Глава 9

ВЕЧЕРНИЙ ГОСТЬ

Как оказалось, начальника отдела убийств Катя изучила неплохо. Колосов объявился на даче Картвели вместе с вечерними сумерками. Черная колосовская «девятка» затормозила у калитки. Катя в это время обирала к чаю крыжовник с кустов, закрывавших собой забор. Колосов хозяйским жестом открыл калитку.

– Привет.

– Ой, Никит... А мы... так мы и знали, что тебя надо ждать сегодня к вечеру. Проходи.

– Каждый раз, как мы встречаемся после недолгой разлуки, ты трогательно восклицаешь: «Ой, Никит!» Вот где мы, значит, отпуск проводим. Что же ты мне раньше не сказала?

– Ну, ты и не интересовался особо. – Катя делала вид, что всецело поглощена сбором ягод. Краем глаза она видела, что на крыльцо вышла Нина и взирала на них с живейшим любопытством.

Колосов вежливо поздоровался.

– Проходите в дом. – Нина тут же гостеприимно засуегилась. – Катюш, я самовар включаю, да? Зови гостя к столу.

– Ну и как она, дачная жизнь? – Колосов задумчиво жевал сорванную травинку. – Впечатляет?

– И не говори. – Катя выпрямилась. – Нас что, теперь в прокуратуру вызовут?

– Не исключено.

– Что показало вскрытие? Токсикоз?

Колосов только глянул на нее искоса. Сей взгляд мог означать лишь одно: поди ж ты, какая догадливая.

– Нина сразу обратила внимание на некоторые признаки, я тебе говорила. Она же врач, – словно оправдываясь, пояснила Катя.

– Терапевт? Педиатр?

– Стоматолог.

– А-а, хорошее дело.

– Идем в дом.

Колосов, однако, колебался. Катя сначала не поняла. Дошло до нее, лишь когда он осведомился самым равнодушнейшим тоном:

– Муж-то где? Рыбу, что ли, на речке ловит?

– Да я тут одна... То есть мы с Ниной вдвоем.

Никита хмыкнул – Кате показалось, удовлетворенно. За все эти годы они с Кравченко ни разу не встретились, хотя были знакомы заочно через общего приятеля Серегу Мещерского. Но лицом к лицу жизнь, как ни странно, до сих пор их не сталкивала. Быть может, потому, что ни тот ни другой не выказывали ни малейшего желания познакомиться ближе.

– Ты обедал? – спросила Катя самым заботливым тоном: долг гостеприимства обязывал.

– Вроде.

– Значит, будем ужинать. Мы с Ниной мяса нажарили на Маланьину свадьбу. Она все беспокоилась, понравится ли тебе.

– Верная подружка? – спросил он, усмехнувшись.

– Верный друг, – ответила Катя. – И у нас так заведено, Никит: мои друзья – ее друзья. И наоборот.

Она хотела сказать: никаких тайн и секретов от Нины Картвели у нас с тобой, милый друг, не будет. Я знаю, что дружба – дружбой, а служба – службой, но и ты пойми меня тоже. И Колосов все понял. Катя знала, что ему не нужно повторять два раза.

За столом на террасе разговор поначалу не касался темы, которая их всех интересовала. Колосова провели по всему дому, показали дачку, затем накормили тушеной картошкой и жареным мясом, чаем напоили с крыжовником. Электрический самовар на столе и блюдо с ягодами придавали встрече домашний уют. И Кате даже как-то не верилось, что вот сейчас разговор у них пойдет о смерти, быть может, об умышленном...

– Никит, мы с Катей от тревоги и от любопытства места себе целый день не находим, – наконец не выдержала Нина. – Вы какие-то новости привезли, да? Что с Лерой? Может, стоит за ее братом сбегать? Что-то... нехорошее с ней, да?

Катя краешком глаза наблюдала за начальником отдела убийств. Ну, и как ты будешь выходить из положения? Сно-

ва в молчанку сыграешь, строя из себя великого детектива? Строй, дорогуша. И от нас ничего не узнаешь. А ведь тебе хочется о многом узнать, по глазам твоим разбойным вижу... Она кашлянула, поперхнувшись чаем. Или все же поступишь честно – сыграешь в открытую, выложишь карты на стол, взяв с нас страшную-престрашную клятву, что мы будем держать рот на замке.

Катя отлично знала: когда начальник отдела убийств брался за очередное дело, хуже смерти было для него, если обстоятельства складывались так, что он должен был делиться информацией с женщиной – следователем ли прокуратуры, экспертом, криминальным обозревателем, да хоть с самим генерал-майором в юбке! «Бабье» – этим для Никиты уже было все сказано. Борься с подобной установкой словами, доказывая и убеждая его в чем-то, было абсолютно бесполезно. Борься можно было только делом.

– Думаю, это убийство. – Колосов отодвинул чашку.глянул на Катю. Видно было, что даже эта крохотная информация, точнее, полупризнание, что он уже готов выложить карты, дается ему очень нелегко. Он явно колебался, как поступить. Наконец, видимо, принял решение: – Хотелось бы мне послушать ваши впечатления о том, что тут произошло у ваших соседей. Но сначала – по глазам Екатерины Сергеевны читаю, что без этого мне не обойтись, – заслушайте и вы кое-какую мою информацию. Думаю, что это небезынтересно.

Катя слушала затаив дыхание. Он сказал «заслушайте ин-

формацию», точно находился у шефа в кабинете на оперативке. Как же все-таки засорен язык Никиты этим бюрократическим формализмом!

Итак, отравление сулемой – новость эта и Катю, и Ни-ну ошеломила. В останках Леры обнаружен сильнодействующий ядохимикат с причудливым названием гранозан и... Катя глядела в темное окно. Вот оно, значит, как тут у нас. Она увидела, как расширились от испуга глаза Нины, когда Колесов сообщил, что, судя по данным экспертизы, дозу ядохимиката Сорокина получила где-то с 20 до 20.30. Выходит, что она приняла яд либо прямо там, за столом в гостях, либо сразу же после, когда приходила в себя после припадка, – ей же наверняка что-то пить давали, чтобы она успокоилась. Все эти догадки явственно читались на лице Нины. А значит...

– Так, значит, вы, Никита, убеждены, что это убийство. Но ведь Лера сами понимаете какая была. Ущербная. Порой она не могла отвечать за свои поступки. Может быть, это случилось по ошибке? Или она сама приняла, чтобы... А вы убеждены, что ее кто-то специально отравил? – Нина оглянулась на подругу, словно ища поддержки.

– Я не убежден – Колосов посмотрел в никелированный бок самовара и вместо своего отражения увидел там какую-то глупую расплывчатую рожу, похожую на блин. – Ни в чем я, девушки, не уверен, потому-то и хочу... – Он тоже посмотрел на Катю, и той показалось, что ее выбрали на роль

некоего арбитра. – Не согласились бы вы обе кое в чем мне помочь?

Они присидели на террасе почти до начала одиннадцатого. Колосов слушал их рассказ, почти не перебивая. Изредка только задавал вопросы, и все они поначалу касались в основном застолья в доме вдовы художника. Что подавали за столом? Чайники были с травяными и фруктовыми чаями? Целых семь штук? Странно, вроде как-то не по-русски, а? Вон у нас – самовар и заварной чайник. А семь чайников! И кто же из вас какой чай пил? Что наливали Сорокиной?

– Этого я не видела. Но может, и видела, да уже не вспомню, – призналась вслед за Катей Нина. – Мы про все забыли, как только с Лерой начало происходить это. А потом, потом там вообще поднялась суета из-за ее припадка.

Колосов достал из кармана блокнот. Снова задавал вопросы, записывал. Теперь его интересовало, кто присутствовал у Чебукиани в тот вечер. «Черт возьми, и все приличные люди!» Это открытие расстроило его чрезвычайно. Складывалось впечатление, что больше бы его устроило, если бы у вдовы художника собрались люди «неприличные» – бомжи, доходяги. С такими можно не церемониться. Взял за шкурку, выдернул в отдел на допрос. А тут такая компания... Услышав от Кати фамилию Смирнова, Колосов удивленно и раздраженно хмыкнул:

– А этот гусь тусовочный что делал у вашей Александры Модестовны?

– Они со Смирновым, по-моему, старые знакомые, – пояснила Нина. – Кстати, Кать, я тебя спросить хотела – ты не читала статью про него в «Культурном обозрении» в последнем номере? Смирнов вроде бы к началу сезона готовит «Бурю», а сам намерен сыграть Просперо.

– Кого-кого? – Никита прищурился.

– Волшебник такой, великий маг у Шекспира. – Нина покачала головой. – Как раз по возрасту ему сейчас седовласые маги. А то уж очень он разошелся. Ну, естественно, мальчишек каких-нибудь гольшей снова на сцену выпустит в роли стихийных духов. Он корреспонденту говорил, что, мол, всегда голову ломает над тем, чем будет публику удивлять. Так просто Шекспир, дескать, скучен стал, несовременен. Следовало бы его приблизить к оригиналу, выстроив спектакль в духе эпохи Возрождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.